

Военные
Приключения

КРУШЕНИЕ ТУРМФАЛЬКЕ

СЕРГЕЙ ТРИФОНОВ

Военные приключения (Вече)

Сергей Трифонов

Крушение Турмфальке

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

Трифонов С. Д.

Крушение Турмфальке / С. Д. Трифонов — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-5494-3

Сразу после окончания Второй мировой войны поползли слухи о том, что Гитлеру и ряду его приспешников удалось скрыться из окружённого Берлина, инсценировав собственную смерть. Разведслужбы стран антигитлеровской коалиции потратили немало сил и средств для изучения этих легенд. Первыми этой проблемой занялись сотрудники советской военной контрразведки Смерш. Именно им удалось собрать важнейшие факты, доказавшие самоубийство вождя Третьего рейха. Особо цепные сведения оперативники почерпнули из допросов оказавшегося в советском плену личного пилота Гитлера группенфюрера СС Ганса Баура по прозвищу Пустельга...

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5494-3

© Трифонов С. Д., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Часть I	6
1	6
2	8
3	10
4	12
5	13
6	15
7	16
8	18
9	20
10	22
11	23
12	25
13	27
14	29
15	31
16	32
17	34
18	36
19	37
20	39
21	41
22	43
23	45
24	48
25	51
26	54
27	57
28	60
29	63
30	65
31	67
32	69
33	71
34	73
35	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Трифонов

Крушение Турмфальке

© Трифонов С. Д., 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

* * *

Не стоит возвращаться в прошлое. Там уже нет никого.
Л. В. Шebarшин

Часть I

1

Была пасха 1907 года. Семья Бауров, как все добропорядочные швабские бюргеры, гуляла по Мюнхену. Хозяин семейства опорожнил уже далеко не одну кружку старого доброго «Хофброя» и теперь вполне счастливый вместе с супругой сидел за столиком летнего кафе, подрёмывал, периодически пытался читать утреннюю газету и рассеянно наблюдал за своими детьми, плескавшимися у фонтанчика Фишбрунен. Дочка и младший сын брызгались друг в друга, визжали, но периодически с опаской поглядывали на всё замечавшую матушку.

Старший десятилетний сын Ганс сидел на корточках и внимательно всматривался в прозрачную голубизну весеннего мюнхенского неба. Над городом появилась сначала маленькая чёрная точка. Затем она быстро выросла до размеров крупной птицы. Но у птицы почему-то было четыре крыла, а спереди вместо клюва что-то быстро вертелось. Птица летела выше самого большого и высокого в Мюнхене собора Святого Петра и издавала лёгкий треск. Толпа зевак немедленно заполнила площади и улицы города. Фрау Баур испуганно глядела на летящую невидаль, одной рукой прижимала к себе испуганную дочь Марию, другой крестилась.

Пожилой, дородного вида, с густыми прокуренными усами полицейский вахмистр, придерживая левой рукой гремящую о брусчатку саблю, правой объяснял любопытной толпе фигуры пилотажа этого летающего предмета по имени аэроплан. Ганс протиснулся сквозь толпу вплотную к полицейскому, внимательно выслушал его пояснения и громко спросил:

– Простите, господин вахмистр! Если я вас правильно понял, этим аэропланом управляет человек? Значит, и я смогу им управлять?

Полицейский выпучил на Ганса большие добрые глаза, приподнял двумя пальцами подбородок мальчика и сказал:

– Да, мой юный господин, и ты сможешь управлять такой механической птицей. Но для этого нужно долго, много и хорошо учиться, любить своих родителей, своего кайзера, свою замечательную родину.

– Спасибо, господин вахмистр. Я обязательно выучусь. А своих родителей, сестру, брата и кайзера я и так люблю.

Ганс сдержал своё обещание. Он учился упорно, охотно и с интересом, однако в выпускном классе школы окончательно понял, что быстро стать военным лётчиком, а других тогда в Германии не готовили, ему не удастся. Вначале необходимо было окончить военное училище, а затем лётную школу. Но шансов поступить в военное училище практически не было. Кадровыми офицерами становились отпрыски дворянских офицерских семей.

Учитель математики Петер Кнопски, искренне любивший Ганса, посоветовал поступить добровольцем в армию, а затем пытаться пробиться в военное училище. Совет, конечно, был зыбкий, но мечту поддержать мог.

Семья Бауров жила весьма скромно. На оклад отца, почтового служащего, и периодические заработки матери за швейные дела семья могла достаточно сносно питаться, скромно одеваться и снимать недорогую, но уютную квартирку в Мюнхене. Поэтому на семейном совете решили: юноша после окончания школы пойдёт помощником продавца в скобяную лавку, хозяином которой был старый друг отца. А там, как бог даст.

Работа в лавке Гансу поначалу нравилась. Собственно, это была вовсе и не лавка, а магазин скобяных товаров, где также продавались велосипеды, пишущие и швейные машинки, кофемолки и другая механическая техника. Ганс, работая в лавке, познавал технические премудрости современных бытовых механизмов, их узлов, деталей, принципов работы. Любую

свободную минуту он отдавал чтению, чем вызывал раздражение продавцов лавки. Им было невдомёк, как обеденный перерыв с неизменным большим бокалом холодного и живительного пива и доброй порцией тающих во рту баварских сосисок, густо намазанных кисло-сладкой горчицей, можно променять на чашечку кофе с булочкой и неотрывное чтение каких-то пугающих своими названиями книг.

2

В конце августа 1914 года Ганс Баур окончательно решил записаться добровольцем в армию и отправиться на фронт защищать интересы кайзера и Германии, а заодно и продвигаться к своей заветной мечте – стать пилотом. Отец был категорически против бесшабашных планов сына. Мать молчала и внутренне поддерживала мечты сына. Она была уверена в нём. Ганс унаследовал её твердый и упрямый характер.

Ганс ранним утром, ничего не говоря родителям, взяв документы и немного денег, поездом отправился на юг Баварии, в Кемптен, где были расквартированы части Баварской гренадерской дивизии.

В пункте рекрутского набора его принял немолодой высокий и сухощавый фельдфебель. Он внимательно просмотрел все документы, представленные юношей, в том числе и почётные дипломы за победы на конкурсах по физико-математическим дисциплинам в средней школе. Потом всё сложил в синюю коленкоровую папку, завязал её и отодвинул на край стола.

– Молодой человек. Скажите мне честно, Вы действительно желаете попасть на фронт? С такими знаниями по математике, физике и химии Вам бы следовало делать кадровую военную карьеру.

– Конечно, господин фельдфебель, я искренне желаю служить своей родине. Но я мечтаю стать военным лётчиком. Я понимаю, что единственный путь к этой цели – честная и дисциплинированная солдатская служба, а потом, возможно, и учёба на лётчика.

– Вот что я Вам скажу, мой дорогой юноша. – Фельдфебель встал из-за стола, заложил руки за спину и стал медленно прохаживаться по комнате. – Вот что я Вам скажу. Записать Вас добровольцем я не могу. Вам ещё нет восемнадцати. Ваш рост и вес также не способствуют выполнению воинского долга. Забирайте свои документы, возвращайтесь домой, работайте, изучайте воинские уставы, занимайтесь спортом, хорошо питайтесь. Через год постарайтесь подать рапорт в одну из авиационных частей, дислоцирующихся в Баварии. Больше, к сожалению, ничем помочь не могу.

Ганс был ошеломлён и раздавлен. Вечером мать тихо прошла к нему в комнату, села на кровать и заговорила ласковым шёпотом:

– Дорогой мой. Ничего страшного не случилось. Поверь материнскому чутью: у тебя всё будет отлично. Ты станешь не просто лётчиком. Ты станешь знаменитым лётчиком Германии.

Ганс продолжал работать в опустылевшей ему лавке. Но жизнь свою изменил. Два раза в неделю посещал муниципальный гимнастический зал, накачивал мышцы, прыжками на батуте укреплял вестибулярный аппарат.

Через год его было не узнать. Ростом, правда, выше не стал. Но это был лобастый крепыш с накаченными мышцами и уверенным взглядом. В сентябре 1915 года Ганс написал письмо самому кайзеру с просьбой помочь поступить на службу в запасной авиационный дивизион в Шляйссхаме.

Вскоре пришёл отрицательный ответ, но не из кайзеровской канцелярии, а из всё того же Шляйссхама. Вечером Ганс написал новое письмо кайзеру с просьбой направить его служить в морскую авиацию. В письме он, не стесняясь, расписал все свои знания и умения, нагло подчеркнув, что такими парнями, как он, Его Величество разбрасываться не должен.

Ответ пришёл на удивление быстро. В письме из Шляйссхама содержалось приглашение Гансу Бауру поступить на службу во вновь сформированную запасную авиационную эскадрилью.

В конце ноября он добровольно поступил на военную службу и дал присягу кайзеру. Изнурительный курс молодого бойца дался ему гораздо легче, чем другим новобранцам, он стойко переносил физические нагрузки. А дисциплина и собранность были не только наци-

ональной чертой, но и основой семейного уклада Бауров. Через два месяца его зачислили в авиационную эскадрилью. Капитан, командир эскадрильи, просмотрев документы Ганса, с удовольствием заключил:

– Нам, Баур, с вами повезло. Таких грамотных солдат, как вы, мало. Поэтому назначаю вас штабным писарем эскадрильи. Поздравляю.

Ганс от досады чуть не потерял сознание. Но взял себя в руки, поблагодарил командира и отправился исполнять свои штабные обязанности.

3

Должность штабного писаря, спокойный и уравновешенный характер, обширные познания в самых разных областях сделали своё дело: вскоре Баур стал одним из уважаемых солдат эскадрильи. А командир не мог нарадоваться порядку в делопроизводстве штаба, наведённому Бауром.

Однако Ганс продолжал далеко находиться от самолётов. Он часто плакал, наблюдая из укромных мест воздушные манёвры крылатых машин над авиабазой Шляйсхама. Молодые пилоты его учебной эскадрильи, здоровые, радостные, с иголки одетые, казались ему, простому рядовому солдату, недостижимыми орлами.

Однажды Ганс попросил своего командира разрешить ему в свободное от службы время находиться рядом с машинами.

– Господин капитан! Я твёрдо решил стать лётчиком. Прошу вас, разрешите мне хотя бы мыть самолёты и помогать механикам.

Капитан усмехнулся, но разрешил. Он позвонил старшему механику и велел ему допускать рядового Баура к несложным работам по обслуживанию самолётов в вечернее время. Это была уже серьёзная победа! В короткие сроки он изучил устройство имевшихся на авиабазе самолётов. К удивлению механиков, он мог самостоятельно разобрать и собрать двигатель машины. Легко находил и устранял неполадки в моторах.

К середине 1916 года потери германской авиации, особенно в личном составе, достигли таких масштабов, что командование было вынуждено смириться с направлением добровольцев, прошедших ускоренную подготовку, на лётные должности. В штабы авиационных частей стали поступать соответствующие директивы. Одна из них попала в руки штабного писаря Ганса Баура. Он немедленно написал рапорт о направлении его в лётную школу. Капитан вызвал его к себе в кабинет и заговорил отеческим тоном:

– Дорогой Ганс. Ты ещё слишком молод, мал ростом. Скорее всего, тебя отправят обратно. Но ты мне нравишься, и чем чёрт не шутит. Вот тебе сопроводительные документы, – капитан протянул запечатанный пакет из плотной бумаги, – немедленно отправляйся в приёмную комиссию авиационной школы в Фервирсе. Дай бог тебе удачи.

Из ста сорока человек, прибывших для сдачи экзаменов, оставили лишь тридцать пять. Баур оказался среди счастливых. Учёба в авиационной школе давалась ему легко. Он быстро стал лучшим курсантом и первым сдал теоретические экзамены с самым высшим баллом. Обычно курсанта допускали до самостоятельного полёта после выполнения им не менее тридцати полётов с инструктором на самолёте-спарке. Однажды инструктор сказал Бауру:

– Ганс, если чувствуешь себя уверенно и не боишься, твой девятнадцатый полёт может быть самостоятельным. Решай.

– Спасибо, господин лейтенант. Я готов, – Ганс был вне себя от счастья.

Это был старый, испытанный и надёжный «Альбатрос» с двигателем мощностью в 100 лошадиных сил, развивавшим скорость до 110 километров в час. Ганс уверенно забрался в кабину, запустил двигатель, и самолёт после короткой разбежки быстро набрал высоту 800 метров.

Счастье переполняло душу! Он никогда так высоко не поднимался. Инструкторы разрешали подъем только до 200 метров. Сделав большой круг над аэродромом, он сбросил обороты, повернул штурвал влево и сдвинул влево рычаг управления рулями высоты, разогнал машину до 800 оборотов и направил её плавно вниз.

Когда Баур подрулил к месту стоянки, инструктор сказал:

– Позволь, Баур, пожать твою руку. Ты замечательный пилот.

После выпускных экзаменов Бауру в порядке исключения было присвоено звание фельдфебеля, и он получил направление в авиационную часть на должность лётчика-корректировщика артиллерийского огня.

Через шесть недель ежедневных боевых вылетов самолёт Баура превратился в решето, а двигатель не подлежал восстановлению. Бауру вручили очень ценящуюся в войсках баварскую медаль «За храбрость» и отправили на десять суток в отпуск.

Он выклянчил у земляка-каптенармуса новую форму, ушил её, прикрепил фельдфебельские погоны. Форменную куртку украсил медалью «За храбрость», ниже медали повесил посеребрённые значки об окончании лётной школы и лётчика-корректировщика.

Ему выдали отпускные, которые включали перерасчёт за новое звание, фронтовые и полётные. Сумма оказалась весьма приличной. Таких денег он раньше и в руках не держал. Абсолютно счастливый он отправился домой.

4

Далее – из записей дневника Ганса Баура.

Мюнхен встретил меня в апреле 1917 года цветущими садами и запахами крепкого кофе. Я приехал в отпуск и чувствовал себя превосходно. Я добился своей цели и стал военным лётчиком. Ещё чуть-чуть, и меня произведут в офицеры. Если фортуна улыбнётся и я останусь жив, жизнь непременно сложится для меня счастливо.

Первым делом я отправился на Нойхаузерштрассе, чтобы в его торговых лабиринтах выбрать подарки для родителей и брата с сестрой. Отцу я купил хорошую трубку из австрийской вишни. Матери – большую коробку её любимых швейцарских шоколадных конфет с марципаном. Сестре Марии выбрал тончайшие кожаные перчатки, а брату Францу – отличный охотничий нож.

Дома был настоящий праздник. Я отдал матери пачку денег, от вида которых у неё высоко поднялись брови, и попросил её приготовить хороший ужин с рейнским вином. Она всё устроила замечательно. Все были очень довольны подарками и ужином.

Отец и брат внимательно рассматривали мою форму, медаль и значки. Отец, раскуривая новую трубку, заговорил:

– Да, дорогой Ганс, признаю, что был не прав, когда отговаривал тебя от идеи стать пилотом. Вижу, что у тебя всё нормально. В наше время стать фельдфебелем и быть награждённым баварской медалью в двадцать лет было немыслимо. Да и оклад, я гляжу, у вас, лётчиков, значительно отличается от пехоты. Это радует.

Брат утащил меня в свою комнату и долго расспрашивал о войне, об армии, об учёбе в авиашколе, о полётах. Ему вскоре предстояло надеть солдатскую форму, и поэтому его интересовало всё об армейской жизни.

После возвращения из отпуска мне поручили испытать только что прибывший бронированный самолёт АЕГ, которого боялись все лётчики. Машина была тяжёлой, имела двигатель в 220 лошадиных сил, развивала скорость почти 140 километров в час и могла достигать высоты более 1100 метров. Я с удовольствием совершил полёт на этом самолёте, испытал его манёвренность и доложил командованию о том, что машина вполне приемлема для осуществления разведывательных полётов. Мой авторитет вырос ещё больше.

5

Летнее наступление 1917 года началось канонадой тысяч германских тяжёлых орудий. Земля ходила ходуном за многие километры от фронта. В тыл непрерывным потоком потянулись санитарные машины и повозки, колонны пленных французов и англичан. В сторону фронта серыми колыхающимися волнами двигались пехотные дивизии, ползли транспорты с боеприпасами. Поднимая пыль, скакали полки конницы.

Вечером начался дождь. Командир собрал лётчиков в своём кабинете, зачитал приказ о наступлении и выдал всем предписания на следующий день. Он предупредил:

– Господа! Дельце предстоит жаркое. Летать будем много. Необходимо соблюдать все меры предосторожности. При полёте на малых высотах следует опасаться ударной волны от залпов орудий. Кроме того, противник имеет подавляющее превосходство в воздухе и очень плотную зенитно-артиллерийскую защиту. Никакой отсебятины не пороть. Строго выполнять полётное задание и возвращаться на базу. Да, кстати, Баур, поздравляем вас. Вам присвоен чин обер-фельдфебеля, – командир встал, пожал мне руку и вручил новенькие погоны.

Вечер мы продолжили в казино пехотного полка, расположенного неподалёку от нашей базы. Полк после двухмесячного нахождения на передовой и больших потерь был выведен на переформирование. Я случайно познакомился с унтер-офицерами полка – моими земляками, и они пригласили меня на кружечку пива. Я пришёл с друзьями-лётчиками.

От пехотинцев мы слышали, что германская армия держит фронт во Франции ценой колоссальных людских потерь. Боеприпасов пока достаточно, но в окопах всё больше мальчиков, вчерашних школьников. Французы и англичане превосходят нас в количестве артиллерии и пехоты. Житья нет от бомбардировщиков (это мы и так знали). Страшнее всего газовые атаки. Десятки тысяч отравленных – это уже не жильцы, у них сгорели лёгкие, и они умирают в страшных муках.

Плохо с обмундированием и обувью, совсем плохо с питанием. Одолели вши. Но моральный дух немецкого солдата пока высок.

Эта встреча оставила тяжёлый душевный осадок. Оказывается, мы в авиации ничего не знаем о положении на фронте. Наши фронтовые условия совершенно иные. Пилоты отлично обмундированы и экипированы. В авиации не знают, что такое голод, грязь и вши. Господи, подумал я, как же я тебе благодарен за твою помощь в моём стремлении стать лётчиком. Иначе гнить бы мне в окопах.

Утром мы с моим наблюдателем поднялись в воздух и пошли к линии фронта. Стоял густой туман. Примерно через час туман стал рассеиваться, и можно было рассмотреть, как германские войска выдвигались вперёд и занимали исходные позиции для наступления. Более часа мы кружили над линией фронта и наблюдали прорыв наших пехотных и кавалерийских частей. Мы тоже повернули в тыл противника и почти сразу обнаружили длинные колонны войск, двигавшиеся к фронту. Мы решили их атаковать.

На моем самолёте было установлено два пулемёта, направленных в сторону хвоста и вниз. Кроме того, мы имели довольно странное, но весьма эффективное оружие – связанные на цепи по шесть штук гранаты. Лётчики их называли «сумасшедшими мышами». Мы снизились до 150 метров и пошли вдоль французских колонн, поливая их пулемётным огнём и забрасывая гранатами. Солдаты противника стали разбегаться, внизу возникла паника.

В пылу боя я не заметил, что противник тоже довольно интенсивно обстреливал нас. Крылья нашего самолёта быстро превратились в сито. Наконец, пулемётная очередь снизу прошла кожух мотора. Вначале из него повалил пар, затем струя горячего масла. Он заглох, и мы стали планировать в сторону нашей территории. Я молил Бога, чтобы мы как можно дальше дотянули от фронта.

Я нашёл довольно приличную площадку для приземления – это было поле, засеянное овсом. До земли оставалось несколько метров, и только в самый последний момент я увидел, что на поле стоят телеграфные столбы. Но изменить уже ничего было нельзя. Самолёт зацепился правым крылом за провод, развернулся на девяносто градусов и клюнул носом в землю. Выбравшись из кабины, я помог вылезти наблюдателю, у которого кровоточили правая щека и лоб, и перевязал его.

В нашу сторону по склону от перелеска бежали пять французских солдат и стреляли из винтовок. Но, к счастью, вскоре у нас за спинами возник десяток немецких пехотинцев и два санитары. Они открыли интенсивный огонь и быстро рассеяли лягушатников. Солдат послал к нам на выручку командир маршевого пехотного батальона, направлявшегося на фронт.

К вечеру на прибывшей из авиабазы машине мы, заляпанные грязью и испачканные кровью, добрались до своей эскадрильи. Там мы узнали, что из восемнадцати самолётов сегодня на базу не вернулись одиннадцать. Все экипажи, кроме нашего, погибли.

Вскоре я получил письмо из дома. Мать рассказывала, что Франца до срока призвали в сапёрные части и направили на Восточный фронт. Писем от него ещё не получали. В городе всё сильно подорожало, особенно продукты. Мария работает в швейном ателье и по вечерам учится на модельера. В Мюнхене участились антивоенные демонстрации, какие-то революционеры призывают народ к свержению кайзера и монархии.

К середине октября наша эскадрилья потеряла все самолёты. Более месяца мы томились в ожидании новой техники. В наше казино часто заглядывали француженки. Мы танцевали, пили пиво, флиртовали. У нас к французам не было никаких предубеждений. Нам казалось, что и у них к нам. Я подружился с одной из девушек. Маленькая ростом, очень хрупкая, она привлекла меня своими необычайно большими красивыми карими глазами, смуглой бархатистой кожей и богатой копной иссиня-чёрных вьющихся волос. Она всегда была со вкусом одета. Звали её Сара. Я узнал, что еврейские женщины – чрезвычайно страстные и преданные любовницы.

Наконец, начала поступать новая техника. Прибыли более совершенные самолёты CL3а, оснащённые мотором «Аргус» мощностью 185 лошадиных сил и развивавшие скорость 165 километров в час. Машина была исключительно манёвренной, хорошо вооружённой и впервые позволяла нам, лётчикам, вступать в воздушный бой с истребителями противниками.

В первый же вылет мне здорово повезло. Когда мы возвращались на базу, над самой линией фронта нас догнали два французских самолёта и взяли в коробочку. Французы смеялись и показывали мне руками следовать за ними. Мой напарник, не раздумывая, пулемётным огнем буквально распилил пополам один из самолётов. Затем я прыгнул в штопор, вышел из него, сел на хвост другому французскому самолёту и расстрелял его из своего пулемёта. Это был мой первый открытый воздушный бой. После посадки сердце моё от счастья готово было выпрыгнуть из груди.

Этот удачный осенний день оказался для меня просто счастливым. Вечером командир нашего авиаотряда капитан Эрхард Мильх зачитал приказ о производстве меня в офицеры с присвоением чина лейтенант, а затем в числе других мне вручили Железный крест второго класса. На борту моей машины техники готическими буквами написали «Turmfalke»¹. Счастье переполняло меня.

¹ Turmfalke (нем.) – пустельга, самый маленький представитель семейства орлиных.

6

Восемнадцатый год пролетел, словно одно мгновение. Весной меня перевели в 204-й авиаотряд разведки, которым командовал капитан Эрхард Мильх. Он пользовался большим уважением высшего командования как исключительно грамотный офицер Генерального штаба и талантливый организатор. Кроме того, он был крайне тщеславным человеком и считал, что в его подразделении должны служить лучшие фронтовые лётчики. Это я уже потом понял, насколько Мильх был дальновидным и мудрым человеком. Собирая к себе в отряд самых толковых военных лётчиков, он сохранил, таким образом, костяк германской авиации.

В отряде было одиннадцать исправных самолётов. Из них девять лёгких, маневренных и скоростных бипланов «Альбатрос D-V» и два цельнометаллических моноплана новейшей конструкции «Юнкерс-CL-1», имевшими меньшую скорость. Мне доверили «Юнкерс», и я не пожалел. Кабина машины изнутри была обшита стальными листами, защищавшими лётчика и наблюдателя от пуль и осколков. До конца войны эта послушная и надёжная машина служила мне верой и правдой.

Лето выдалось по-настоящему жарким. Мы ежедневно совершали по пять-шесть разведывательных вылетов или корректировали огонь артиллерии. Французские, английские, американские и канадские истребители буквально как мухи облепляли нас в воздухе. Но мы дрались отчаянно.

Однажды в середине июля во время боевого вылета я был атакован пятнадцатью английскими истребителями «Бристоль Скаут». Такого боя нам, конечно, было не выдержать. Я предусмотрительно набрал высоту и плавно скрылся в облаках. Когда мы оттуда вынырнули, англичан уже не было, но внизу, под нами, километрах в двух впереди шла шестёрка французских истребителей «Спад 17». Они нас не увидели. Я показал своему наблюдателю, что мы атакуем, что я выбрал левую тройку французов, а он должен стрелять по правой. Напарник поднял руку в знак понимания, и мы бросились в атаку.

Этот бой мне показался вечностью, хотя длился всего чуть более трёх минут. Первой пулемётной очередью я поджёг третий с краю истребитель. Он, объятый пламенем, разваливаясь на куски, стал быстро падать. Не ожидавшие подвоха противники растерялись. Я тут же сбил второй истребитель, а мой напарник третий. В тот момент, когда французы опомнились и стали разворачиваться в нашу сторону, мы сбили еще два истребителя. Затем догнали последний. Сверху сели ему, как мы говорили, на горб и стали прижимать к земле, направляясь в сторону нашего аэродрома. Француз пытался маневрировать, бросая машину то влево, то вправо. Но мы упорно прижимали его всё ниже и ниже, подстёгивая пулемётным огнем вдоль самолёта. Наконец, он смирился и послушно под нашим конвоем пошёл к нам на аэродром.

Встречали нас все пилоты и техники, находившиеся на аэродроме. Среди них был и капитан Мильх. Вначале я кратко доложил ему результаты боевого задания и обстоятельства боя. Затем подвели французского лётчика. Это был моего роста молодой черноволосый капитан с двумя орденскими колодками на комбинезоне. Он с удивлением оглядел меня, протянул мне руку, крепко её пожал и сказал, обращаясь к Мильху, на хорошем немецком языке:

– Я искренне завидую вам, капитан, что у вас ещё есть такие асы, как этот молодой человек. В одном бою сбить пять самолётов противника и шестой взять в качестве приза – это многого стоит! Если он выживет, у него будет большое будущее.

Лицо Мильха растянулось в довольной улыбке, и он весело подмигнул мне. За этот бой я был награждён Железным крестом первого класса. Я был вне себя от счастья.

7

Как-то в конце октября 1918 года капитан Мильх вызвал меня к себе в кабинет, закрыл дверь на ключ и полушёпотом произнёс:

– Ганс! Я возвращаю тебя обратно в эскадрилью Гефнера. Вот твои документы, – он протянул мне запечатанный пакет.

– Я чем-то провинился, господин капитан?

– Нет, мой мальчик. Ты отличный лётчик и толковый офицер. Дело совсем в ином. Война со дня на день прекратится. Эскадрилья капитана Гефнера возвращается в Баварию. И теперь я ему помогаю в укреплении её опытными пилотами. Ты станешь его заместителем. Я возлагаю на тебя большие надежды. Что бы ни произошло, не впадай в панику. Жди приказа. Мы ещё с тобой покажем, как умеют драться германские асы.

Капитан Гефнер был искренне рад возвращению своего лучшего лётчика. Он поздравил меня с присвоением чина обер-лейтенанта, назначением на должность его заместителя и награждением баварским орденом Военных заслуг четвёртого класса, очень ценным офицерами. На следующий день, в первый день мира, мы перегоняли наши самолёты на авиабазу в Фюрте. Но, к большому сожалению, ни один наш самолёт, перегруженный фронтовым имуществом, до Фюрта не долетел. Из-за тумана все были вынуждены совершить аварийные посадки. Так завершилась история моей боевой эскадрильи.

Ночью наша колонна прибыла в Фюрт. Ни одна скотина из местных военных и гражданских властей нас не встречала. Я узнал, что в здании ратуши заседал образованный какими-то людьми совет рабочих и солдатских депутатов. Вокруг здания без дела слонялись распоясанные солдаты и матросы с красными бантами на груди. Я им сделал замечание, почему они не отдают честь офицерам. Вначале они растерялись и стали отдавать мне честь. Но один матрос, что был помоложе и наглее других, примкнул к своей винтовке штык и обратился к поделщикам:

– Товарищи! Давайте этого плюгавого офицеришку поднимем на штыки и вынесем на городскую свалку. Пусть там голодные псы над ним потешатся.

Так, видимо, и произошло бы. Но я и два моих спутника, старший унтер-офицер и оберфельдфебель, автоматически выхватили из кобур свои пистолеты и направили на зарвавшихся мерзавцев. Если бы мы начали стрелять, от этих «товарищей» мало бы что осталось. Они это поняли и отступили.

Я, ещё находившийся в возбуждении, с возмущением рассказал капитану Гефнеру о случившемся. Гефнер ответил мне, пряча глаза:

– Ганс! Оглянись вокруг. Империя рушится. В стране революция. Выжить в таких условиях сможет только тот, кто это признает как данность, либо тихо переждёт сложные времена.

– Я не понимаю вас, господин капитан. Мы с вами давали присягу кайзеру и Германии, мы с вами офицеры! Я требую, чтобы вы отдали приказ об аресте этого незаконного совета, а заодно и этих дезертиров.

Гефнер скрестил руки на груди, повернулся ко мне спиной и, глядя в окно на ненастное ноябрьское утро, ответил:

– Обер-лейтенант Баур, приказа не будет.

– Тогда, капитан Гефнер, будет мой приказ, – я развернулся на каблуках и направился к двери.

Я договорился с верными государству офицерами и унтер-офицерами восстановить в Фюрте законный порядок. Нас собралось более двадцати человек. Мы взяли со склада карабины, два ручных и один станковый пулемёт, гранаты, патроны и строем отправились к зданию

ратуши. Я приказал окружить здание и с тремя самыми надёжными людьми прошёл в помещения, где располагался совет.

Охрана с красными бантами, увидев нас, до зубов вооруженных, куда-то исчезла. В зале заседаний находились члены совета. Я объявил им, что совет распущен, его члены должны через пять минут покинуть ратушу, а ещё через час убраться из Фюрта. Бунтовщики проигнорировали мои слова. Тогда я сказал:

– Если через пять минут кто-то останется, он будет арестован и предан суду военного трибунала. Время пошло, – я демонстративно показал им мои ручные часы.

Советская власть в городе была низложена за какие-то пять минут. Обер-бургомистр вновь приступил к исполнению своих обязанностей. Жители Фюрта благодарили меня и моих коллег за восстановление порядка и спокойствия.

8

Наступило тревожное время революционного хаоса. В ноябре 1918 года Бавария была провозглашена республикой. Кайзер Вильгельм II сбежал за границу. Большинство офицеров и унтер-офицеров с удовлетворением приняли новую власть и согласились ей служить.

Мне всё это было крайне противно. Но необходимо было жить и помогать своим родителям. Поэтому и я, скрепя сердце, принял новую присягу. В нашей эскадрилье остались только офицеры и унтер-офицеры. Солдаты демобилизовывались. Гефнер сохранил командирский пост, а меня с должности его заместителя сняли по доносу кого-то из сослуживцев (не Гефнера ли?). Я дал себе слово бороться с этой властью любым способом.

В январе 1919 года приказом военного министра Баварии Шнеппенхорста и с санкции наблюдателей стран Антанты была учреждена военная авиационная почта. Я, не раздумывая, подал рапорт о зачислении меня пилотом в новую службу. В ответе военного министерства было сказано, что требуются рекомендательные письма от командиров и наиболее известных пилотов Германии. Я немедленно написал письмо Мильху в надежде получить от него рекомендацию. Каково же было моё удивление, когда меня вызвали в министерство, и военный чиновник объявил о зачислении меня лётчиком в военную почту по рекомендации весьма уважаемых военных: Эрхарда Мильха, Рудольфа Гесса и Германа Геринга. Из пятисот претендентов отобрали всего шесть человек.

Оккупационные власти Антанты передали нам десять видавших виды машин «Румплер С.1» и два скоростных «Фоккера D-7». Мне поручили маршрут на Веймар, где недавно была провозглашена республика взамен кайзеровской монархии. Я ежедневно доставлял курьерскую почту и газеты для Мюнхена. Так продолжалось до 7 апреля. Рано утром стало известно, что в ночь с 6 на 7 апреля Бавария провозглашена республикой советов. В тот же день, 7 апреля, комендант аэродрома в Фюрте фельдфебель Кох объявил нам, лётчикам, что мы все уволены. В тот же день я покинул Фюрт и уехал в Мюнхен.

Мама, увидев меня на пороге, крепко обняла и, горячо целуя мое лицо, шептала:

– Мой дорогой, мой любимый, моя радость и надежда. Живой. Невредимый.

Пока я переодевался в гражданское платье, она громче обычного гремела на кухне посудой. Потом зашла ко мне в комнату и смущённо сказала:

– Ганс, с продуктами стало трудно. Мне неудобно перед тобой, но могу предложить только картофельный суп с брюквой на костном бульоне и жареный картофель.

– Дорогая моя мама, – я обнял её и, дурачась, заявил: – Обер-лейтенант Баур готов к принятию той пищи, которая доступна в военное время.

Пока я обедал, мама рассказала последние новости. Франц был ранен на Восточном фронте. Но, слава богу, легко. Сейчас он в госпитале в Цинтене, неподалеку от Кёнигсберга. Он уже обер-ефрейтор, командир отделения в сапёрной роте, и в госпитале сам кронпринц вручал ему Железный крест второго класса. Я похвалил брата и успокоил мать:

– По все видимости, его скоро демобилизуют, и он вернётся домой.

– Мария работает на швейной фабрике Заура. Они шьют военную форму. Она на хорошем счету, и поэтому её повысили. Она работала старшей закройщицей, а теперь мастером участка. И зарплату существенно повысили. Мария стала такой красавицей. Просто загляденье. Продолжает заниматься бальными танцами. От кавалеров прямо отбоя нет.

– Какие сейчас кавалеры, мама? Небось, одни военные?

– Не скажи, дорогой мой, не скажи. За ней ухлёстывает Макс Лерге, молодой инженер. Он работает на электростанции. Очень воспитанный, симпатичный и состоятельный молодой человек. Его отец – один из крупнейших конезаводчиков Германии. Он держит ипподромы в Нюрнберге, Дюссельдорфе и Дармштадте. Макс и Мария были бы чудесной парой.

– Как отец? – спросил я.

– Отец работает там же, в городском почтовом управлении. Зарплата маленькая, а работы много. Он стал чаще болеть. Если с ним что случится, что я без него буду делать? Как проживу?

– Мама, успокойся, всё будет нормально. Будем лечить отца. А за себя не волнуйся. Твой сын всё же лётчик. Мы проживём.

Началась массовая демобилизация армии, а с ней и массовая безработица. Цены росли астрономическими темпами. Мюнхен стал похож на растревоженный муравейник. Повсюду собирались толпы людей, какие-то нескончаемые митинги и демонстрации. Я с трудом разбираюсь во всём этом коловороте событий.

Но самое главное, я не ведал своего служебного положения. Рапорта об увольнении я не писал. Приказа об увольнении на руки не получал. Мой визит в кадровое управление военного министерства закончился безрезультатно. Военный чиновник в чине капитана с порога наорал на меня:

– Что вы все тут болтаетесь без дела? Совершенно распустились в этом хаосе. Идите и служите.

Куда идти, он не уточнил. Я пошёл домой.

Настроение было пасмурное. Чувство неопределенности своего положения, неизвестность ближайшего будущего, непонимание многих явлений и событий угнетали и выматывали всю душу. Однажды утром за завтраком, когда отец и Мария уже ушли на работу, мама сказала:

– Дорогой Ганс, если не знаешь, что тебе сейчас делать, не делай ничего. Денег у нас пока достаточно. Проживём. Отдохни. Сходи на рыбалку. Развейся на природе. Ты ведь по сути уже несколько лет нормального отдыха не видел.

В один из дней, вернувшись с прогулки, я обнаружил на столе в своей комнате конверт, запечатанный сургучной печатью. Мама сказала, что его принёс солдат и велел передать обер-лейтенанту Бауру лично в руки. Я с волнением вскрыл конверт и прочитал:

«Дорогой господин обер-лейтенант Ганс Баур!

Как ветеран войны, рад приветствовать Вас, прославленного ветерана и боевого лётчика. Баварский союз офицеров-ветеранов и общество Туле поручили мне войти с Вами в деловой контакт. Если не возражаете, буду ждать Вас завтра, 11 апреля, в 16.00 в пивной “Кенар” на Даймлерштрассе.

С уважением. Капитан Рудольф Гесс».

Я не возражал.

9

В полутёмном и пустом зале пивной мне навстречу вышел стройный молодой капитан в идеально сидевшей на нём форме, до блеска начищенных остроносых ботинках. Он был выше меня ростом. Тонкие губы, чуть длинноватый прямой нос, тщательно уложенные на прямой пробор мягкие тёмно-русые волосы, ухоженные руки – все выдавало в нём человека светского.

Мы присели за столик и заказали пива. Гесс начал разговор:

– Ганс, давайте будем называть друг друга по имени. Я ведь вас всего на три года старше. Нам будет легче общаться.

– Я согласен, Рудольф. Знаете, я теперь лично могу выразить вам признательность за рекомендацию при моём поступлении в военную авиационную почту этой зимой.

– Пустое. Не стоит благодарности, коллега. Мы обязаны друг другу помогать. Да и просил меня об этом мой личный друг капитан Мильх. Он охарактеризовал вас с лучшей стороны. Ему я верю на слово. Теперь о главном. Прошу ответить мне на ряд вопросов. Это важно. Вы готовы бороться против красной чумы, против нынешнего советского режима в Баварии?

– Готов. И чем раньше эта борьба начнётся, тем лучше, – похоже, я начал слегка горячиться.

Гесс улыбнулся и продолжил:

– Эта борьба уже идёт. И довольно успешно. В Ордруфе формируется Добровольческий корпус под командованием полковника фон Эппа. Корпус скоро превратится в серьёзную вооружённую силу против красного советского режима, окопавшегося здесь, в Мюнхене. Англо-французская военная миссия в Нюрнберге откровенно симпатизирует нам. Она готова передать фон Эппу часть немецких боевых самолётов, захваченных союзниками по Версальскому договору. Но нам не хватает лётчиков. Если сказать точнее, патриотически-настроенных лётчиков, с большим боевым опытом.

Тут меня осенило. Я вдруг вспомнил, как на последнем совещании в Фюрте командир нашего военно-почтового авиационного отряда, горячий сторонник советской власти, предупредил нас, пилотов, что часть самолётов нашего отряда по плану «народного» правительства предполагается использовать в качестве бомбардировщиков. Объектами бомбардировок должны стать командный пункт военного округа и места дислокации войск, преданных контрреволюционному правительству Хофмана. Я тут же всё это выложил Гессу. Тот не на шутку встревожился и попросил обождать его. Ему требовалось срочно связаться по телефону с надёжными людьми и передать эту крайне важную информацию.

Пока он отсутствовал, я допил пиво и заказал ещё кружечку. Гесс вернулся в лучшем расположении духа. Он тоже заказал пива и торжественно объявил:

– Ганс! Командование Добровольческим корпусом выражает вам благодарность за ценнейшие сведения. Вы также зачислены в особую ударную эскадрилью. Ваше первое задание будет состоять в том, чтобы как можно скорее проникнуть на аэродром в Фюрте и вывести из строя не только самолёты военно-почтового отряда, но и все, имеющиеся в распоряжении командования авиабазой, подчинённой советскому правительству. Когда вы можете отбыть в Фюрт? И сколько людей вам нужно в помощь?

– Никаких людей мне не нужно. Они только помешают. А отправлюсь я сегодня ночью.

Гесс крепко пожал мою руку и поблагодарил. Он передал мне номера контактных телефонов в Нюрнберге и Мюнхене, адреса конспиративных квартир и пароли для каждой. Перед прощанием я спросил его:

– Рудольф. А какие вопросы вы ещё хотели задать мне?

Он задумался. Было видно, что ему уже не хотелось ни о чём меня спрашивать. Но он ответил:

– Ганс. Впереди у нас большая и тяжёлая работа по возрождению новой Германии. Как долго продлится эта работа и через какие лишения и жертвы нам придётся пройти, никто не знает. Но для этого нам требуется мощная политическая организация единомышленников-патриотов, людей энергичных, решительных, талантливых, способных пожертвовать собой ради Германии. Готовы ли вы стать членом такой формирующейся политической силы?

Конечно, я не был готов к политической работе. Я слабо разбирался в политике. Абсолютно не ориентировался в политических учениях. Поэтому и ответил прямо и честно:

– Нет, Рудольф, я не готов ответить на этот очень сложный для меня вопрос. Мне ещё многому нужно учиться. В политическом смысле я просто профан. Но я хочу быть с вами.

– Спасибо, Ганс. Я уверен, ты будешь с нами.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Мне удалось сесть на нюрнбергский поезд, отходивший в 19.00. Авиабазы охранялись солдатами, преданными Советам. Аэродром с ангарами охранялся ещё строже. Если меня схватят, уж точно расстреляют. Но делать было нечего, я дал слово офицера.

К четырём часам утра в кромешной темноте я пробрался через две линии охраны авиабазы и подошёл к караульному помещению, где отдыхала смена дежурных. Я заглянул в окно и не поверил своей удаче. На скамье сидел и курил трубочку мой старший механик обер-ефрейтор Нефф. Он был толковым механиком и в общем неплохим парнем. Советам он служил по одной причине: боялся стать безработным. Я решил рискнуть. Открыв дверь в караулку, я приложил палец к губам, показав Нефу, что нельзя будить солдат. Он вышел из помещения и радостно обнял меня. Я вкратце рассказал о своём плане и тут же получил согласие Нефа помочь мне.

Мы незаметно пробрались в ангары и при свете маленького фонарика ручной дрелью стали просверливать дырочки в моторах «Бенц». В моторах «Мерседес» мы свернули магнето и засыпали песок в поршни. Это означало, что шестнадцать самолётов красных долго не поднимутся в воздух. Мы с Нефом тщательно записали в блокнот все наши манипуляции с каждым из самолётов на случай, если эти машины вновь попадут к нам в руки. Тогда мы быстро сможем их поставить на крыло.

Один «Альбатрос» мы приготовили для себя. Заправили его, сложили в него самые ценные инструменты и приборы, снарядили патронные ленты для двух пулемётов самолёта, прихватили гранаты и несколько карабинов. Около семи утра мы открыли ангар, вытолкали из него самолёт и стали прогревать двигатель. В этот момент в нашу сторону направилась группа вооружённых солдат и несколько лётчиков, видимо, для выяснения обстоятельств столь раннего вылета. Мы запрыгнули в кабину и через пару минут махали крыльями людям, оставшимся на аэродроме. Я выполнил задание командования.

10

Мы удачно долетели до Бамберга, где отныне располагалось антисоветское правительство Хофмана. Я доложил командованию о выполнении задания и после небольшого отдыха с моим новым напарником, лейтенантом Краузе, отправились в Мюнхен выполнять поручение по доставке в город наших агентов, для передачи преданным людям инструкций, денег и свежих газет.

Примерно через неделю советская власть в Фюрте вновь пала. Наши механики по моим записям быстро восстановили самолёты. Я же был назначен командиром отряда из шести машин в составе объединённой истребительно-бомбардировочной эскадрильи. Вновь начались боевые будни. Но это была уже другая война. Гражданская.

Командир Добровольческого корпуса полковник Риттер фон Эпп, бывший командир Баварского лейб-гвардии пехотного полка, пользовался большим авторитетом среди офицеров-баварцев. Поэтому в командных кадрах проблем не было. Крайне не хватало солдат и унтер-офицеров. Демобилизованные после войны солдаты воевать не желали. Ни за Советы, ни в белых формированиях. Поэтому целые роты в батальонах Добровольческого корпуса комплектовались офицерами.

Военный министр берлинского правительства Веймарской республики Густав Носке организовал бесперебойное снабжение корпуса фон Эппа оружием, боеприпасами, амуницией, продовольствием. Небольшой по составу Добровольческий корпус представлял собой грозную силу, и Советское правительство в Мюнхене, как я полагаю, с ужасом ожидало его вторжения на территорию Баварии. Однако Баварское антисоветское правительство Хофмана, которому формально подчинялась наша эскадрилья, в безумном желании опередить Берлин и фон Эппа разгромить Советы, наделало много глупостей.

Так, 13 апреля общество Туле, получив устные заверения Хофмана о поддержке, организовало в Мюнхене антисоветский путч. Офицерские группы быстро захватили ключевые здания, в которых располагались административные службы Советов и арестовали их видных руководителей. В тот же день Носке предложил Хофману ввести корпус фон Эппа на территорию Баварии и поддержать его другими частями рейхсвера. Однако Хофман телеграфировал в Берлин, что тонкая душа баварцев не вынесет вторжения прусских карательных войск, и отказался от помощи. Лишь после того как Советы, собрав в кулак рабочие отряды и получив поддержку боевых групп коммунистического союза «Спартак», подавили сопротивление мятежников, когда красные заняли Розенхайм, Кауфбойрен, Шонгау, Кохели и Штарнберг, только после этого позора Хофман даёт согласие Носке на вторжение в Баварию Добровольческого корпуса фон Эппа и прусских войск.

Прусские, вюртембергские, саксонские и баварские полки при поддержке корпуса фон Эппа численностью около 15 тысяч человек с сильной артиллерией быстрым маршем продвигаются к Мюнхену. Мы получаем приказ о бомбардировках частей, складов, штабов и аэродромов Красной армии.

Мы наводим ужас на красных. На шоссе Нюрнберг – Мюнхен за каких-то десять минут наши самолёты разгромили колонну советских войск. На Изаре сожгли караван барж, везущий в Мюнхен оружие и боеприпасы. Расчищая путь нашим войскам, мои лётчики пулемётным огнём разгоняли охрану мостов, бомбили узлы обороны красных, нападали на железнодорожные станции и уничтожали составы, идущие в Мюнхен на помощь Советам.

11

Во время этих событий со мной случилось одно приключение. В полёт я всегда брал крепившийся тросами к самолёту с наружной стороны кабины мотоцикл, понимая, что в любой момент меня могут сбить, и дополнительное транспортное средство в такой момент лишним не будет. Так и случилось. Мой самолёт был сбит пулемётным огнём красных в то время, когда я пролетал над главной товарной железнодорожной станцией Мюнхена. Мне с большим трудом удалось дотянуть самолёт до маленькой поляны близ озера Кляйнер. Я быстро снял мотоцикл и помчался в сторону района Кляйнхарден, на западной окраине Мюнхена.

Красные устроили за мной самую настоящую погоню на автомашинах и мотоциклах. Наконец, на кривой улочке Гейгерштрассе они меня окончательно запечатали, и дальше двигаться было просто некуда. Я уже приготовился вступить в бой, как вдруг заметил слева от меня проезд в виде низкой арки, густо увитой диким виноградом, ведущий во внутренний дворик.

Бросив на улице мотоцикл, я нырнул в арку, огляделся и по деревянной лестнице взбежал на второй этаж двухэтажного дома. Мне навстречу вышла симпатичная девушка. Она приложила указательный палец к губам, стрельнула взглядом на входную дверь, дав понять, что шум раздаётся с улицы. Она взяла меня за руку и повела за собой в дальнюю комнату, затем принесла гражданскую одежду и велела мне переодеться. Пока я переодевался, она, отвернувшись в сторону окна, заговорила полусёпотом:

– Когда они придут сюда, я скажу, что вы мой брат. Вы больны и будете лежать в постели. Вот, они уже стучат.

Девушка пошла открывать дверь, звеневшую под ударами кулаков и прикладов винтовок. Я быстро залез в постель и укрылся тёплым пледом. В квартире раздались громкие голоса и топот сапог. В комнату вошли два солдата в грязной штопаной форме, небритые. Девушка громко сказала:

– Этой мой брат, Ганс. Он, как и я, студент медицинского факультета университета. Он болен. У него высокая температура и боли в животе. Возможно, дизентерия.

Солдаты грубо выругались на тот предмет, что не хватало им самим ещё подцепить дизентерию. Они, оставив грязные следы на паркете, чертыхаясь, с шумом удалились.

Девушка вернулась и с улыбкой произнесла:

– Можете вставать, студент-медик.

Вынырнув из уютного ложа, я спросил:

– Откуда вы знаете мое имя?

– Значит, вас зовут Ганс? А меня Доррис. Вот и познакомились. Вы голодны?

– Нет, что вы! Я недавно обедал, – соврал я.

Доррис вновь улыбнулась.

– Ну, тогда будем пить кофе. Вам всё равно сейчас нельзя показываться на улицу.

Пока она заваривала кофе, я осмотрелся. Повсюду размещались книжные шкафы. Гостиная, видимо, выполняла функции и семейной библиотеки. Много было книг по медицине, биологии, химии.

– Ганс! Я вас жду. Кофе стынет.

Я поспешил на кухню. На столе в чашках дымился и источал неповторимый аромат натуральный кофе. В плетёной корзиночке лежало домашнее печенье.

– У вас необычная форма. Как я понимаю, вы уже обер-лейтенант? И у вас столько наград!

Я был счастлив от этих комплиментов. От уюта квартиры и соблазнительного запаха кофе. От присутствия рядом со мной этой замечательной и смелой девушки. Наконец, от того, что я остался живым и невредимым. Я поблагодарил Доррис и, наконец, представился:

– Обер-лейтенант военно-воздушных сил Ганс Баур, командир авиационного отряда особой эскадрильи Добровольческого корпуса полковника фон Эппа.

Мы долго и непринуждённо болтали. Она рассказала о том, что её отец, Густав Шаубе, известный в Мюнхене врач-гинеколог и профессор университета. Мать умерла от рака, не дожив до сорока лет. Старший брат Ганс работает ассистентом хирурга в известной берлинской клинике «Шарите». Она учится на втором курсе медицинского факультета университета и готовится стать врачом общей практики.

Я тоже рассказал о своей семье, о себе, немного о войне, о своих наградах. Мы не заметили, как наступил вечер. Мне очень не хотелось покидать этот уютный дом и Доррис. Возможно, мне показалось, но Доррис тоже была огорчена расставанием.

Я доложил командованию о случившемся и получил новый самолёт. В ходе боёв мы, лётчики, тоже несли потери. Двадцать пятого апреля я со своим отрядом вступил в воздушный бой с десятью «Альбатросами», на крыльях и хвостовом оперенье которых красовались огромные красные звёзды. Бой был крайне жестоким. Красные расчленили нашу группу на три части и, как стервятники, стали их преследовать. Один за другим они сбили три машины моего отряда. Горючее было на исходе, однако мы не обращали на это внимания. Когда у красных осталось только четыре самолёта, они поняли, с кем имеют дело, и, набирая высоту, вышли из боя. Мы с болью переживали гибель наших товарищей и дали клятву на их могилах повсюду уничтожать красную заразу.

Советская власть сформировала у большинства баварцев стойкую неприязнь к коммунистам и левым социал-демократам. Их возненавидели не только крайне консервативная буржуазия и истинно верующее католическое крестьянство. От Советов отвернулись и баварские рабочие, увидев в революции крушение их надежд на справедливость.

Гражданская война была недолгой, но жестокой. В последние апрельские дни шли кровопролитные бои за Мюнхен. Наконец, первого мая войска Носке и фон Эппа вошли в город и начали его методическое очищение. Только за два дня было убито больше 400 красных. Ещё около двухсот были расстреляны по приговорам баварских военно-полевых судов.

Справедливость восторжествовала. Как сказал епископ Зенгер, дьявольская сила была укрощена боголюбивым баварским народом в Мюнхене, оплоте германского католичества.

12

После освобождения Мюнхена от красных и падения Советов начались мирные будни. Однако по Версальскому договору Германии запрещалось иметь собственные военно-воздушные силы. В один солнечный январский день 1921 года французы явились к нам на аэродром и сожгли все самолёты за исключением восьми. По четыре машины они передали в распоряжение созданных гражданских баварских авиакомпаний «Люфтллейд» и «Румплер». Таким образом, германской военной авиации больше не существовало.

Без неба лётчик жить не может. Не раздумывая ни минуты, я обратился к директору «Люфтллейда» Гримшицу с просьбой принять меня на работу в компанию. Он любезно встретил меня и попросил представить копию моего послужного списка и рекомендации. Я немедленно обратился к Рудольфу Гессу за помощью, и через неделю на рабочем столе Гримшица лежали наилучшие рекомендации Геринга, Гесса и Мильха. В конце октября я был зачислен пилотом в штат компании и получил лётную лицензию министерства транспорта Баварии.

В нашей небольшой компании было всего три лётчика и четыре стареньких военных самолёта. Вначале регулярные рейсы мы осуществляли по маршруту Мюнхен – Коснстанц, протяжённостью 180 километров. Пассажиры испытывали настоящее муки. Кабины самолётов были открытыми. Ветер, дождь, снег вынуждали нас укутывать пассажиров с ног до головы в шубы и одеяла. Многие пассажиры, попробовав экзотику таких перелётов, в дальнейшем категорически отказывались летать самолётами.

Нужны были новые современные пассажирские машины. Но только в мае 1922 года союзники сняли запрет на производство в Германии пассажирских самолётов с расчётной скоростью свыше 200 километров в час и высотой полёта более 4000 метров. И сразу же завод Юнкерса выпустил на рынок новый одномоторный цельнометаллический самолёт с закрытой кабиной для четырёх пассажиров. Одну из таких машин F-13s приобрела и наша компания.

Надо сказать, двадцать второй год вообще оказался знаковым для молодой гражданской авиации Германии. В ходе постоянных слияний и разделений остались три крупных компании, доминировавших на рынке: «Авиалинии Юнкерс», «Аэро-Ллойд» и «Германские авиалинии». И в том же году нашу баварскую компанию «Люфтллейд» приобрела самая крупная авиакомпания Германии «Авиалинии Юнкерс». Мы стали её дочерним предприятием.

Я был этому рад, так как коммерческим директором «Юнкерса» был мой бывший командир, старый и надёжный друг капитан Эрхард Мильх. Он оказался прекрасным бизнесменом. Именно Мильх сконструировал единую систему дальних авиаперевозок в Центральной, Южной и Восточной Европе, показавшую свою надёжность и эффективность. Его стараниями открылись новые регулярные рейсы в Берлин, Гамбург, Данциг, Вена, Цюрих.

Моя работа, приносящая мне радость и полное удовлетворение, была достаточно высокооплачиваемой. Я мог позволить себе снять небольшую, но уютную и хорошо меблированную квартиру в престижном районе Зейдлинг. Мне не приходилось экономить на питании и одежде. Моя тёмно-синяя лётная форма вызывала уважение соседей и постояльцев кафе и пивных. Надо сказать, немцы вообще любят любую форму. А когда вы одеты в форменный китель, сшитый из дорогой шерстяной ткани, на рукавах которого сияют золотые шевроны лицензированного пилота гражданской авиации, да на вас ещё до блеска начищенные кожаные ботинки из Цюриха, вы становитесь эталоном успешного баварца. Вас уважают. О вас идёт молва, как о человеке порядочном, работающем, с которого нужно брать пример.

Работа и Доррис были двумя составляющими моей счастливой жизни. Любовь к Доррис, охватившая меня подобно горячке весной девятнадцатого года, превратилась в глубокое чувство. Её красота и нежность, мягкий и ровный характер, доброжелательность и приветливость лёгкой, невидимой паутиной опутали меня и завлекли в какой-то светлый кокон, в котором

мне было уютно и радостно. После ежедневных полётов я мчался к Доррис с букетом цветов. Её глаза, излучавшие лучики любви и преданности, прикосновение к её ладоням включали во мне тысячи маленьких генераторов, пропускавших через моё тело волны электрических разрядов. Мы страстно любили друг друга.

Весной двадцать второго года Доррис окончила университет и стала работать ассистентом врача в детской больнице Красного Креста. Вскоре она переехала ко мне. Доррис была преданным другом и замечательной хозяйкой. Наша квартира сияла чистотой и свежестью. Она была наполнена духом любви и комфорта.

Доррис многому учила меня. Честно говоря, за всю свою двадцатипятилетнюю жизнь я, как человек культурный, не состоялся. Доррис, подобно талантливому скульптору, ежедневно и терпеливо ваяла из меня образованного немца. Во время частых прогулок по городу Доррис раскрывала передо мной богатейший архитектурный мир. Она неустанно повторяла, что в мире нет города, подобного Мюнхену, где счастливо и так многообразно переплелись все архитектурные стили: от готики и романтизма до ампира, классицизма и современной эклектики. Мюнхен был прекрасен!

Однажды в воскресенье Доррис повела меня на выставку популярного немецкого художника Вильгельма Функа, которая проходила в салоне при его мастерской. Работы Функа мне не понравились. Но сама обстановка роскошного салона, аристократическая публика, блеск женских нарядов и драгоценных камней, шампанское, фрукты, дорогие сигары и непринуждённые беседы вызвали во мне чувство причастности к какому-то другому, совершенно не знакомому миру.

Мы с Доррис были самой молодой парой и держались несколько скованно. Подошёл профессор Шаубе, отец Доррис, и сказал, что хочет представить нас неким господам. Каково же было моё удивление, когда этими господами оказались Мильх и мой директор Ангермунд. Мильх просто обнял меня, а затем поцеловал руку Доррис. Изумление выразилось на лицах Ангермунда и профессора Шаубе.

– Господа! – громко, чтобы слышали все, сказал Мильх. – Разрешите представить героя войны, одного из лучших лётчиков Германии и надежду будущих воздушных сил страны Ганса Баура. За тебя, дорогой Ганс. За прелестную дочь профессора Шаубе. За Германию!

Через три дня Ангермунд пригласил меня в свой кабинет и поздравил с присвоением мне звания лётчика гражданской авиации первого класса. Отныне моя зарплата практически удваивалась. В этот же день я сделал предложение Доррис.

13

В феврале двадцать третьего года мы с Доррис поженились. Свадьба была скромная, но по меркам простых мюнхенцев, сводивших концы с концами в трудное время разрухи и экономического кризиса, вызывающая. По совету моего друга Рудольфа Гесса мы заказали кафе «Ноймайер». Я узнал позднее, что это было излюбленное место встречи Адольфа Гитлера со своими друзьями и соратниками до «Пивного путча».

На свадьбе были только свои: мать с отцом, отец Доррис, её брат Ганс, приехавший из Берлина, моя любимая сестра Мария с женихом Максом Лерге. Свидетелями выступали Ганс и Мария.

К моему большому огорчению, не смогли приехать Мильх, Гесс, Геринг и директор Ангермунд. Не удалось выбраться из Вайдена и моему брату Францу, недавно назначенному старшим электриком на механическом заводе. Но работа есть работа. Я это хорошо понимал. Правда, все они прислали искренние поздравления и достойные подарки.

Маме невестка нравилась. Они стали подругами. Доррис подружилась и с сестрой Марией. Они вдвоём куда-то пропадали, о чём-то весело шушукались втайне от меня. Мария и Доррис были необычайно красивы. Обе небольшого роста, худенькие, с замечательными фигурами, стройными ногами. Где бы мы ни появлялись втроём, я ловил на себе завистливые взгляды мужчин, а мои девочки – стрелы женского укора.

Через месяц поженились Мария с Максом. Их свадьба была роскошной. Отец Макса заказал ресторан в отеле «Олимпия», куда пригласил весь цвет баварского бизнеса, весь мюнхенский бомонд. Играл Баварский симфонический оркестр. Шампанское лилось ручьем. От блеска золота и камней рябило в глазах. Вскоре Мария переехала в дом, подаренный им на свадьбу отцом Макса.

Поздней весной двадцать третьего года у меня значительно прибавилось работы. В середине мая открылись регулярные рейсы из Мюнхена в Вену и Цюрих. Мне был поручен рейс на Вену. В первом пробном полёте меня сопровождали журналисты. На следующий день я вылетел по маршруту Мюнхен – Цюрих. И так попеременно я летал целый год.

Становилось очевидным, что для регулярных пассажирских рейсов над Альпами, где погода менялась в день по несколько раз, где дули мощные ветра, а осадки буквально вставали стеной, наши моторы были слабосильными. Требовались новые современные машины с более мощными двигателями. Однако союзники по-прежнему запрещали Германии строить большие самолёты гражданской авиации и производить мощные авиационные двигатели.

В конце июля мне поручили выполнить полёт особой важности. Моим пассажиром был царь Болгарии Борис. Он взошёл на борт самолёта в Цюрихе и летел до Мюнхена. Борис, чуть ниже меня ростом, худой, сутуловатый, с большим крючковатым носом и жёсткой щеточкой усов, выглядел болезненным. Говорил он тихо и медленно. Откровенно признался, что опасается первого в своей жизни воздушного перелёта. Я уверил его в том, что бояться не стоит. Машина надёжная. Погода отличная. Полёт он перенёс стойко. После приземления он крепко пожал мне руку и сказал, что доволен своим первым перелётом. А особенно мастерством, хладнокровием и мужеством такого замечательного пилота, как я. От такой оценки моего скромного труда, выраженной венценосной особой, я был, конечно, счастлив.

В апреле двадцать четвертого года Доррис родила дочь. Прекрасную малышку с большими голубыми глазами мы назвали Ингеборгой. Перед рождением дочери я сторговался с домовладельцем, у которого мы снимали квартиру, выкупил её, и ещё одну небольшую, смежную с нашей на этом же этаже. Мы соединили квартиры, сделали хороший ремонт и стали обладателями собственного жилья в весьма престижном районе Мюнхена, Зейдлинге, на тихой, усаженной каштанами улочке.

С рождением дочери во мне что-то изменилось. Я в свои двадцать семь лет ощутил себя взрослым, умудрённым опытом мужчиной. За моими плечами была большая, страшная, кровавая война и ещё одна, гражданская, не менее драматичная. Меня ценили. Среди пилотов гражданской авиации я имел одну из самых высоких зарплат. В моей жизни был достаток и любовь. Я понял, что всё достигнутое мною – только начало. Я способен на большее. Мне требовались задачи масштабнее.

14

Знакомство с Доррис, её интеллект возбудили во мне желание учиться. Конечно, для поступления в университет у меня не было времени. Нужно было отвоёвывать свое место в жизни, работать и работать не покладая рук. Тем не менее я стал много читать, интересоваться политикой, выписывал мюнхенские и берлинские газеты.

Кроме Доррис в моем духовном воспитании важную роль сыграл Гесс. Он рекомендовал мне книги по истории Германии, европейских стран, политике, философии, военной истории, теории военного искусства.

Однажды Гесс сказал:

– Ганс! Я думаю, тебе пора поднимать свой интеллект и другими способами. Наш друг, генерал и профессор Хаустхофер, заведует кафедрой в Мюнхенском университете. Он читает интересный курс «Геополитика». Я, Розенберг и ряд других моих товарищей посещаем его лекции. Попробуй и ты. Не пожалеешь.

Гесс был прав. Я нисколько не пожалел. Хаустхофер читал превосходно. Он рассказывал о борьбе великих держав за рынки сбыта, за колонии, о династических, расовых и конфессиональных противоречиях, об истории формирования германских национальных интересов, о значении германского фактора в истории Европы и мира, о миссионерской роли немецкой нации в создании нового мирового порядка, новой цивилизации.

После лекций мы долго не расходились, спорили, горячились. В один прекрасный вечер, выходя после лекции из аудитории, Гесс познакомил меня с двумя его товарищами, сыгравшими в дальнейшем решающую роль в моей судьбе. Одного звали Альфред Розенберг. Он представился потомственным прибалтийским немцем. Это был среднего роста, худощавый молодой человек, несколько старше меня. Говорил он ровным, спокойным голосом с сильным прусским акцентом. Розенберг был хорошо и со вкусом одет. Хотя должен признаться, он своей холодностью и, как мне показалось, скрытым брезгливым отношением к людям не вызывал особой приязни.

Другой был немного плотнее, но такого же роста, что и Розенберг. Огромный лоб. Волосы набриалинены и зачёсаны справа налево. Длинный прямой нос. Странные небольшие усы. Крупные, слегка оттопыренные уши. Волевой, несколько выдающийся подбородок. Но главное – глаза. Цепкие, пронзительные, достающие любого собеседника до самого нутра. На нём был не очень свежий серого цвета костюм и такого же характера белая сорочка с узким чёрным галстуком. Он был представлен Гессом как Адольф Гитлер.

Он был ветераном войны, награждённым Железным крестом первого и второго класса, активистом авторитетной ветеранской организации «Стальной шлем», лидером молодой, но очень популярной в Мюнхене и Нюрнберге национал-социалистической партии.

Гитлер, говоривший с заметным австрийским акцентом, предложил всем выпить по кружке доброго пива. За столиком в маленькой пивной он расспрашивал меня о моем участии в войне, о наградах, о семье, об особенностях лётной профессии, о моих увлечениях. Он был чертовски внимательным, деликатным, чутким и любознательным собеседником. Он оставил о себе самое благоприятное впечатление. На прощанье он сказал мне:

– Господин обер-лейтенант, мне было приятно с вами познакомиться и чрезвычайно интересно побеседовать. Думаю, мы обязательно будем вместе. Ваши взгляды, прошу меня извинить, говорю прямо, как солдат солдату, политически ещё не совсем оформились. Но главное, что у них есть, здоровая основа и горячее желание служить Германии и немецкому народу.

Как-то Гесс позвонил мне утром на аэродром и спросил, хочу ли я послушать публичное выступление Гитлера? Я ответил утвердительно. Он пригласил меня на семь вечера в пивной зал «Киндлькеллер».

При входе в пивную стояли охранники – здоровенные детины, одетые в кожаные куртки, подпоясанные ремнями, в кепи, галифе армейского образца, заправленные в высокие шнурованные ботинки, у каждого в руках имелась дубинка. Они внимательно осмотрели наши пригласительные билеты.

Пивная была забита до отказа. Среди приглашённой публики выделялись бывшие офицеры. Было много мелких чиновников, лавочников, рабочих, железнодорожников в чёрной форме.

Гитлер был в тёмном костюме, кожаном жилете, в тяжёлых ботинках. Декслер объявил выступление Гитлера. Все вскочили со своих мест, и под шквал аплодисментов, приветственный рёв толпы Гитлер, высоко подняв голову, уверенным твёрдым шагом прошёл к временной трибуне.

Он уверенно изложил итоги войны для Германии, дал характеристику унижительному Версальскому договору, последствий его для немецкой нации. Рассмотрел политическую ситуацию в Германии, сделав особый упор на предательство интересов рабочих, крестьян, ремесленников, мелких торговцев со стороны либеральных и социал-демократических правительств земель и центрального берлинского правительства, допустивших полный развал экономики, крушение финансов, бешеное раскручивание инфляции, невообразимые масштабы безработицы, нищеты и голода.

Когда он почувствовал, что публика внемлет ему, что в огромном пивном зале установилась гробовая тишина, он прижал руки к груди и слегка выставил вперёд левую ногу. Он стал ругать сторонников Веймарской республики за измену интересам нации в пользу Антанты, католиков за неопределённость политической позиции, евреев за их беспринципный бизнес на чёрном рынке, за стремление нажиться на страданиях населения. Затем он обрушился на коммунистов и социал-демократов. «Все эти враги нации рано или поздно будут ликвидированы», – заявил он уверенно и сделал резкое движение руками сверху вниз.

Гитлер прервал речь. Вытер платком пот со лба, сделал большой глоток пива из кружки. Далее он обрисовал двадцать пять программных задач партии, подчеркнув в заключении, что они полностью отражают чаяния немецкого народа. Зал взорвался аплодисментами и одобрительными выкриками.

Признаюсь, магия ораторского искусства Гитлера, его патриотизм охватили меня. Я вместе со всеми хлопал и кричал «браво!». Всё, что я услышал, соответствовало моим убеждениям.

15

В 1925 году произошли серьёзные изменения в моей работе. Это было связано с тем, что союзники наконец разрешили Германии строить большие пассажирские самолёты и мощные двигатели для них. Я получил новую машину «Юнкерс G-24» с тремя двигателями мощностью в 220 лошадиных сил и развивавшую скорость более 160 километров в час. Это был большой цельнометаллический самолёт, вмещавший девять пассажиров, лётчика, радиста и бортижнера, который одновременно выполнял и функции стюарда. Для своего времени он был лучшей и самой комфортабельной транспортно-пассажирской машиной.

На этой машине я установил регулярное сообщение по маршруту Мюнхен – Вена – Цюрих – Женева. Отныне мы летали регулярными рейсами в Будапешт и Прагу.

К середине двадцатых годов в Германии осталось две крупные авиакомпании: «Аэро-Лloyd» и «Авиалинии Юнкерс», в которой я работал.

Вскоре приказом директора департамента гражданской авиации федерального министерства транспорта Эрнста Бранденбурга была создана единая мощная национальная компания «Дойче Люфтганза», или просто «Люфтганза», как её знают во всём мире. Это произошло 15 января двадцать шестого года. Высвободившиеся средства правительство направило на поддержку строительства новых самолётов.

Руководство новой авиакомпании предложило мне контракт одному из первых, сохранив звание лётчика первого класса. Вскоре я узнал, что Эрхард Мильх вошёл в правление «Люфтганзы» и стал её директором по эксплуатации технических средств. Таким образом, тридцатитрёхлетний Мильх сосредоточил в своих руках не только руководство всем парком машин компании, но и политику закупок новых самолётов и запасных частей к ним. Я искренне был этому рад.

«Люфтганза» набирала силу и авторитет. Мильх установил жёсткий порядок своевременного проведения регламентных работ по обслуживанию и текущему ремонту самолётов. Благодаря этому компания безукоризненно выполняла расписание полётов, а безаварийность достигла небывалого уровня 98 процентов.

Постоянно удлинялись маршруты. Мильх посетил Москву и договорился со Сталиным о транзитных рейсах из Германии, через Россию на Дальний Восток, в Японию и Китай.

16

В двадцатые годы Бавария представляла собой котёл кипящих политических страстей. НСДАП была всего лишь одной из многочисленных праворадикальных сил. Причём ни самой многочисленной, ни самой влиятельной. Особой воинственностью выделялись Союз баварских офицеров, Стальной шлем, Союз ветеранов войны, Союз ветеранов Добровольческого корпуса. Многочисленных беженцев с правыми взглядами из других германских земель, где были созданы коалиционные правительства социал-демократов и коммунистов, возглавлял генерал Людендорф. Однако у баварцев он вызывал отвращение из-за его протестантских нападков на католическую церковь.

Большинство баварцев, правоверных католиков, были монархистами. Они желали восстановления монархии Виттельсбахов. Коммунисты и социал-демократы после разгрома советской власти вели себя осторожно, действовали организованно, но старались избегать любых конфликтов. Из всей этой необъятной по взглядам, особенностям, оттенкам баварской политической палитры национал-социалисты были самой организованной и активной силой.

Оккупация в 1923 году французскими войсками Рура довела температуру кипения баварского котла до критической точки. Главную детонирующую роль играл Гитлер, стремившийся установить сотрудничество с правительством Баварии, с местными частями рейхсвера, объединить все правые и националистические силы с целью организации марша на Берлин, свержения правительства Веймарской республики, отмены Версальского договора. Повсеместно в Баварии формировались штурмовые отряды СА – главная ударная сила НСДАП. Главную роль в этом, насколько я понимал, играл Герман Геринг. Происходили нескончаемые собрания, митинги, учения штурмовиков, их уличные маршировки с партийными знамёнами и оружием. Полиция и командование рейхсвера на всё это смотрели отрешённо.

Я знал, что Гитлер был доведён до отчаяния нерешительностью баварских властей, трусостью высших офицеров гарнизона, постоянными оговорками и новыми условиями, выдвигавшимися монархистами, сепаратистами и сторонниками генерала Людендорфа. Я, конечно, не всё понимал в происходившем, но мне было искренне жаль Гитлера, осунувшегося и издёрганного Гесса, потерявшего былой лоск и самоуверенность Розенберга. И хотя Гитлер неоднократно требовал от партии и союзников решительных действий: «Всё! Промедление больше невозможно», – ничего существенного так и не происходило.

Наконец, в конце апреля был организован большой смотр вооружённых отрядов СА и боевых групп организации «Консул», которым руководил Геринг, облачённый в коричневую форму штурмовиков, сшитую из дорогой шерстяной ткани. Его грудь украшали ордена и медали, на шейной ленте сверкал престижный орден *Pur le Merite* (За заслуги). Геринг был весел, доволен собой и полон энергии.

Дальше происходило что-то невообразимое. Пошёл сильный дождь. Вскоре он превратился в ливень. Потоки воды обрушились на колонны штурмовиков, которые вместе с Герингом, скакавшим взад и вперед на огромной кобыле, промокли до нитки. Геринг посчитал необходимым отложить дело до лучшей погоды. Закончилось всё тем, что отчаявшийся Гитлер вместе со своими товарищами отправились пить кофе. Штурмовики разошлись по домам.

Вскоре после этого, первого мая, несколько отрядов штурмовиков совершили налёт на армейский склад в районе Обервайзенфельда и захватили часть оружия, в том числе пулеметы. Армейское командование потребовало всё украденное немедленно вернуть, иначе виновники налёта будут арестованы. Это был удар по НСДАП и лично по Гитлеру.

Двадцать шестого мая французские власти в Дюссельдорфе казнили за саботаж и шпионаж Альберта Лео Шлагетера, ветерана войны и Добровольческого корпуса. Патриотические организации решили в память гибели Шлагетера в понедельник 1 июня устроить в Мюнхене

грандиозную демонстрацию. Гитлер распорядился, чтобы отряды СА приняли в ней участие и превратили её в восстание. Тысячи штурмовиков выстроились на Кёнигсплац со знаменами. Гитлер произнёс зажигающую речь, призывая немцев одуматься и освободить Германию от позора и унижения. Затем он принял парад отрядов штурмовиков. И на этом всё закончилось... Гитлер кипел от бешенства. Ему казалось, что среди руководства СА были предатели.

Такое положение перманентного восстания продолжалось всю весну и лето. Я в силу занятости, конечно, не мог следить за всем происходящим. По некоторым сведениям, почерпнутым мною из газет, из редких разговоров с Гессом, я понимал так, что Гитлеру никак не удавалось окончательно склонить на свою сторону командование рейхсвера в Баварии. Гром грянул осенью.

17

В середине августа двадцать третьего года ушло в отставку берлинское правительство Куно. В Баварии разворачивался новый виток нагнетания политических страстей и националистической пропаганды. В Нюрнберге в начале сентября генерал Людендорф объявил о создании «Германского боевого союза». Сто тысяч его сторонников прошли маршем по городу. Вскоре Людендорф объявил Гитлера политическим руководителем и переподчинил ему союз, ставший, по сути, ещё одной боевой силой НСДАП.

Двадцать шестого сентября в Берлине президент Эберт вменил командующему рейхсвером генералу фон Секту полномочия решительно пресекать любые антигосударственные действия, от кого бы они не исходили. Фон Сект приказал военным властям Баварии закрыть газету «Фолькишер беобахтер» НСДАП за антиправительственные нападки Гитлера. Ничего не было исполнено.

Баварский премьер-министр фон Книллинг объявил о введении чрезвычайного положения и о назначении монархиста генерала Густава фон Кара генеральным комиссаром Баварии с высшими административными полномочиями. Фактически установилась власть триумvirата в лице фон Кара, командующего войсками рейхсвера в Баварии генерала Отто фон Лоссова и начальника полиции полковника Ганса фон Зейссера.

Генерал фон Лоссов, испытывавший ненависть к берлинскому правительству и игнорировавший его распоряжения, занял выжидательную позицию. Он хотел использовать подчинённые ему войска с выгодой, в зависимости от того, кто перехватит инициативу: Людендорф в союзе с Гитлером, либо баварские сепаратисты, приверженцы виттельсбахской монархии, поддерживаемые фон Каром.

Гитлер требовал от всех соратников, союзников и временных попутчиков только одного: действий. Восстание Гитлер назначил на воскресенье 4 ноября, День поминовения павших. Однако власти, разрешив проведение митинга НСДАП, запретили в этот день всем без исключения группировкам маршировать по городу с лозунгами, транспарантами и знамёнами. По окончании митинга колонны штурмовиков со свёрнутыми знамёнами направились к Марсовому полю. Но тут вдруг второй батальон полка СА «Мюнхен» под командованием уважаемого ветерана войны обер-лейтенанта Вильгельма Брюкнера развернул знамёна и повернул к центру на Арнульфштрассе. Там он столкнулся с сильным полицейским кордоном. Произошла жестокая стычка. Появились раненые. Гитлер немедленно послал Геринга и Рема к фон Кару выразить протест по поводу жестокого обращения полиции с мирными демонстрантами. Инцидент был всё же улажен. Но он показал, что фон Кар был либо не способен подавить НСДАП, либо не желал этого, преследуя свои политические интересы. Вскоре он известил через прессу, что правительство Баварии 8 ноября в пивной «Бюргербройкеллер» организует митинг и что лично он выступит с важным правительственным заявлением.

«Бюргербройкеллер» считался очень уважаемым в Мюнхене пивным залом, завсегдатаями которого были весьма состоятельные люди. Митинг, в котором приняли участие более трёх тысяч человек, был назначен на восемь вечера. Полиция заранее оцепила весь район. Фон Кар долго и монотонно говорил об особой исторической роли Баварии. Штурмовые отряды СА, оттеснив полицию, плотным кольцом окружили здание пивной, перекрыв все входы и выходы. В 20.45 Гитлер в сопровождении Геринга, Гесса, Аманна, Шауба, Розенберга пробился сквозь толпу, встал на стул и громогласно заявил:

– Разразилась национальная революция! Рейхсвер за нас! Наш флаг реет над его казармами!

Затем он пригласил фон Кара, генерала фон Лоссова, фон Зайссера, генерала Людендорфа и ещё некоторых политиков пройти в соседнее помещение. Через полчаса в зале появились

совещавшиеся. Гитлер сделал краткое заявление о том, что сформировано национальное правительство. Все партнеры принесли присягу верности Баварии и германскому народу. Затем весь зал, стоя, с воодушевлением спел «Дойчланд юбер аллес». Фон Кар и фон Лоссов, уверив генерала Людендорфа, что не изменят данному слову, покинули зал.

А в это самое время из Берлина генерал фон Сект по телефону отдал распоряжение командованию мюнхенского гарнизона подавить путч, а его руководителей арестовать. К утру армейские подразделения блокировали отряд штурмовиков и курсантов военного училища во главе с Эрнстом Ремом, засевший в захваченном ими здании военного министерства Баварии. Фон Кар, фон Лоссов и фон Зайсер укрылись в казарме 19-го пехотного полка и сделали заявление, в котором они отказывались от союза с Людендорфом и Гитлером, объявляли их зачинщиками мятежа и требовали немедленного ареста. Одновременно сообщалось, что решением правительства Баварии запрещалась деятельность НСДАП, её организации, отряды СА, «Оберланд» и «Военное знамя рейха» считались распущенными.

Гитлер был деморализован. Только Людендорф настаивал на решительных действиях. По его приказу студенческий отряд СА во главе с Гессом захватил Мюнхенскую ратушу, взял в заложники обер-бургомистра и ряд депутатов города. Затем трехтысячная колонна, состоявшая из сторонников НСДАП и ветеранов войны во главе с Гитлером и Людендорфом, под охраной штурмовиков двинулась от «Бюргербройкеллер» к центру города. На мосту Людвига их остановили полиция, но вышедший вперед Геринг уверил, что если их не пропустят, они расстреляют заложников.

После этого колонна беспрепятственно направилась в сторону Мариенплац, затем к Одеонсплац. У Фельдхеррхалле она была вновь остановлена усиленным отрядом жандармерии. Переговоры результатов не дали. Командовавший жандармами Фрайхер фон Годин отдал приказ стрелять. В перестрелке погибли три жандарма и шестнадцать штурмовиков. Десятки с обеих сторон были ранены. Геринг получил две пули в пах. Гитлера, Людендорфа, других лидеров мятежа, а также всех раненых увели штурмовики СА. Жандармы и полиция помех им не чинили.

Так закончились события, вошедшие в историю Германии как «Пивной путч». В этот день я вернулся из Цюриха и готовил со своим механиком самолёт к завтрашнему рейсу в Вену. До дома я добрался к девяти вечера. Доррис была встревожена. Помогая мне снять кожаное пальто, она шепнула:

– У нас Рудольф. У него большие неприятности.

В углу гостиной в кресле у зашторенного окна сидел с закрытыми глазами Гесс. При слабом свете торшера лицо его мне показалось бледным и измождённым. Услышав мои шаги, он встrepенулся, порывисто поднялся и нервно проговорил:

– Ганс. Все кончено. Партию запретили. Нас предали все. Гитлера и меня ищет полиция. Надо бежать.

Я сказал:

– Завтра утром я лечу в Вену. У тебя там есть надёжные люди, у которых можно переждать?

Гесс утвердительно качнул головой. Я продолжил:

– Отлично. Я беру тебя с собой. Вылетаем в десять.

Утром без всяких приключений я доставил Гесса в Вену в целостности и сохранности. В тот же день на аэродром Мюнхена нагрянула полиция. По всей видимости, кто-то из обслуживающего персонала аэродрома признал в предъявленных полицейскими фотографиях Гесса и указал, что Ганс Баур вывез его в Вену. Так я превратился в политически неблагонадежного гражданина Веймарской республики. В том же году я вступил в НСДАП.

18

В июле 1926 года я налетал триста тысяч километров. В Мюнхене кабину моего самолёта украсили цветами, а в Вене подарили лавровый венок. Утренние газеты Германии, Австрии и Швейцарии напечатали моё фото в рекламном коллаже «Люфтганзы»: «Наши пилоты – герои! 300 тысяч километров без аварий. Летайте самолётами «Люфтганзы».

В 1927 году «Люфтганза» стала приобретать у фирмы «Рорбах» новые, более современные трёхмоторные цельнометаллические самолёты «Роланд-1» с большими крыльями, бравшие на борт девять пассажиров и трёх членов экипажа. Машина быстро набирала высоту и развивала высокую скорость. Это была надёжная и комфортабельная машина. Я летал на ней по маршруту Мюнхен – Вена – Женева почти шесть лет.

В августе мы с Доррис провели недельный отпуск в Париже. Представительство «Люфтганзы» во Франции снимало для своих лётчиков, выполнявших регулярные рейсы в Париж, квартиру в квартале Сен-Жермен. Мы с благодарностью согласились с предложением руководства компании воспользоваться ею. Доррис впервые в жизни летела самолётом. Она страшно волновалась, и весь рейс тихая и бледная крепко держала меня за руку.

Неделя в Париже! Мог ли я совсем недавно мечтать об этом? Париж закружил нас, наполнил каким-то необычайным духом раскрепощённости, радостной суеты. Он, щедро раскинув перед нами широту своих ярких площадей и улиц, лаская мягким теплом августовского солнца, как будто говорил: «Забудьте обо всём. Сейчас есть только я и вы. Радуйтесь и наслаждайтесь мною. Любите друг друга». И мы наслаждались. И мы любили друг друга.

В предпоследний день нашего пребывания мы отправились за покупками на Риволи. Оставив многочисленные покупки в квартире, мы выпили в бистро по чашке прекрасного кофе, съели хрустящие ароматные круасаны и отправились на Монмартр вдохнуть напоследок воздух Парижа. Возвращаясь назад, мы спускались по широкой лестнице на площадь Святого Петра. Доррис внезапно стало плохо. Она мгновенно побелела и упала ко мне на руки в глубоком обмороке. Кто-то из французов вызвал карету «скорой помощи». Врач с санитарями прибыли довольно быстро. В больнице ей сделали внутривенное, потёрли виски ватой, смоченной в нашатырном спирте. Врачи её долго осматривали, затем пригласили меня в кабинет и сказали, что у неё сильное переутомление. Они посоветовали после нашего возвращения сделать обследование и порекомендовали на какое-то время постельный режим. Я немного успокоился, вызвал такси, и мы с Доррис уехали.

В Мюнхене она совершенно оправилась. Её серьёзно обследовали в лучшей клинике города под контролем отца, но ничего не обнаружили. Мы не могли предположить, что в Париже началась самая драматичная часть нашей с Доррис жизни. Этой же осенью мы похоронили моего отца.

19

Став фактическим руководителем «Люфтганзы», Мильх продолжал проводить рациональную финансовую политику. Он приказал избавиться от всего лишнего, обременявшего компанию непроизводственными расходами. Прибыли компании направлялись на модернизацию самолётного парка, приобретение самого современного аэронавигационного оборудования, средств радиосвязи. Мильх рассматривал «Люфтганзу» в качестве катализатора возрождения и модернизации германской авиапромышленности, заботясь, таким образом, о будущих военно-воздушных силах.

Расширение сети маршрутов Мильх считал надёжным способом вложения капитала, упрочения финансовой политики, завоевание новых рынков. В 1928 году мне пришлось прокладывать новый маршрут Мюнхен – Тренто – Милан.

Между тем в ходе трёхмесячного периода испытательных полётов в Милан итальянские власти просто измывались над нами. Они предъявляли претензии в том, что мы не соблюдали подробнейшие инструкции движения в воздушном пространстве Италии, не информировали радиостанции итальянских наблюдательных постов, размещённых вдоль всего маршрута, о пролёте над ними... Итальянский полковник заявил, что в Риме рассматривают вопрос о запрещении мне полётов в Милан. По его словам, представители побеждённой державы не должны так вызывающе вести себя по отношению к государству, которое является одной из держав-победителей.

Было и смешно, и грустно. Мне надоели эти итальянские бюрократические штучки, волокита и спесивость чиновников, и я написал рапорт лично Мильху. Тот был скор на руку. Он договорился с германским правительством и в один из июньских дней вместе с каким-то дипломатическим чиновником на моём самолёте направился прямо в Рим. Не знаю, с кем он там встречался, но после его переговоров нам был устроен шикарный обед в одном из лучших римских ресторанов. Присутствовали чиновники правительства Муссолини, генералы, банкиры, промышленники из концернов «Эдисон», «Фальк», «Пирелли». Во время обеда один из генералов от имени правительства вручил Мильху портрет Муссолини с личным автографом дуче, а мне почётный золотой знак лётчиков гражданской авиации Италии в виде орла, парящего над горным массивом. Знак был очень красивый, и я пристегнул его с правой стороны своего форменного кителя. Когда в следующий раз я прилетел регулярным рейсом в Милан, к самолёту подошёл тот самый полковник, комендант аэропорта, долго жал мне руку, поздравляя с редкой наградой.

Мильх с юмором рассказывал мне, что в основе всех передраг в процессе налаживания регулярного авиасообщения с Италией лежала шпиономания Муссолини. Итальянским военным казалось, что мы ведём шпионские съёмки с борта самолёта. Следует заметить, что от этого комплекса итальянцы так и не избавились. Муссолини никогда не доверял Гитлеру. Фюрер платил дуче той же монетой.

После освобождения в декабре 1924 года из тюрьмы Ландсберг Гитлер нашёл партию расколотов и дезорганизованной. Пользуясь его длительным отсутствием, Грегор Штрассер, один из основателей НСДАП, сформировал в партии левое крыло и даже пытался наладить сотрудничество с социал-демократами и коммунистами, а на февральской партийной конференции двадцать шестого года в Бамберге открыто выступил против политики фюрера.

Другое, праворадикальное, крыло партии возглавили сторонники Эрнста Рема, сбежавшего в конце 1923 года в Боливию и поступившего на службу в боливийскую армию. Люди Рема реорганизовали СА, штурмовые отряды партии, так, что их командиры уже не признавали Гитлера своим вождём.

Гитлер, опираясь на Гесса, Розенберга, Аммана, Эсера, ушедшего от Штрассера Геббельса, новых и молодых партийных активистов из Нюрнберга, Розенхайма, Ингольштадта, сумел не просто реорганизовать и сплотить вокруг себя воссозданную партию, но резко увеличить число своих сторонников. Он провёл чистку командного состава СА и вновь стал истинным вождём штурмовиков.

В мае двадцать восьмого года на выборах в рейхстаг победу одержали двенадцать представителей НСДАП. Одним из депутатов стал Герман Геринг, мой старший боевой товарищ. Это явилось крупной политической победой Гитлера.

Я был искренне рад за Геринга. В двадцать седьмом году, после его реабилитации, Геринг вернулся в Германию из Швеции, где при финансовой поддержке родственников его очаровательной супруги Карин он лечился от тяжёлого ранения, полученного в ходе «Пивного путча». Будучи человеком большой силы воли и энергии, Геринг не только сумел преодолеть зависимость от морфия, которым его пичкали, избавляя от невыносимой боли, но, опираясь на связи Мильха и Удета, наладил в Скандинавии продажу современных немецких парашютов марки «Торнблад». Их покупали военно-воздушные силы Дании, Швеции, Швейцарии, Испании. Он был очень коммуникабельным и сумел быстро завязать дружеские отношения с ведущими банкирами, промышленниками, представителями германской аристократии.

Однажды осенью Гитлер приехал в нелюбимый им Берлин, остановился в отеле «Сан-Суси». На встречу с ним Геринг пришёл с Мильхом, со слов которого я извещён о дальнейших событиях. Мильх фюреру понравился. В свою очередь фюрер поведал Герингу о состоянии в партии, о его тревоге за СА под командованием Пфедфера, человека Эрнста Рема. Он негодовал, что Пфедфер публично отстаивал позицию независимости СА от партии. Рассказал о создании новой боевой силы партии, компактной по численности, его собственной охране под названием «Охранные отряды», или СС. Руководство ими поручено молодому и энергичному Генриху Гиммлеру, недавнему фермеру с высшим аграрным образованием. Затем фюрер сказал, что партия активно готовится к выборам в рейхстаг, и он делает предложение Герингу участвовать в них по партийному списку. Геринг с энтузиазмом согласился.

Избрание Геринга депутатом рейхстага была не просто победой НСДАП. Геринг стал самым активным и эффективным лоббистом интересов «Люфтганзы» в парламенте и правительстве Германии. Дела компании стабильно пошли вверх.

20

В конце июня 1928 года я получил письменное извещение от руководства «Люфтганзы» о том, что решением министерства транспорта мне присвоено звание «лётный капитан». Лётных капитанов во всей Германии тогда можно было пересчитать по пальцам. В гражданской авиации работали лицензированные лётчики, лётчики первого класса и лётные капитаны. Это звание было высшей степенью признания профессионализма и опыта пилота.

Вскоре мой налёт составил 500 тысяч километров. Это событие стало хорошим поводом для компании поощрить меня солидной премией. Мы с Доррис подумывали о приобретении собственного дома. Однако ничего подходящего в Мюнхене найти не удалось. Мы решили пока отложить это дело и по обоюдному согласию купили «опель» тёмно-синего цвета.

Доррис быстро освоила машину и, как и я, получила в полиции лицензию на право управления легковым автотранспортом с мощностью двигателя до 150 лошадиных сил. Когда я улетал на несколько дней, она брала Инге и на машине разъезжала по магазинам, в парикмахерскую, в гости к свекрови и Марии. Всё это привело к тому, что Мария потребовала от Макса тоже купить автомобиль. Теперь по Мюнхену на одинаковых автомашинах разъезжали две прекрасные женщины: Доррис и Мария.

В 1929 году над «Люфтганзой» нависла угроза. Я уже упоминал о том, что правительство субсидировало нашу компанию из государственного бюджета в целях поддержания национального авторитета. Однако при обсуждении в рейхстаге проекта бюджета страны на 1930 год оппозиция потребовала провести государственный аудит «Люфтганзы» и расследование фактов получения фракцией НСДАП денежных средств от авиакомпании.

В результате проверки выяснилось, что финансовое состояние компании, благодаря грамотной политике Мильха, буквально за год улучшилось настолько, что образовалась некоторая прибыль. Но вот её-то, по мнению аудиторов, руководство компании направило не на развитие, а на непроизводительные цели. К ним были отнесены необоснованное повышение зарплаты лётного и технического персонала, приобретение дорогостоящего легкового автотранспорта для руководителей компании и её представительств в городах Германии и за рубежом, высокие размеры выплат дивидендов членам совета директоров. Ну и, конечно, одним из самых главных грехов было признано выделение финансовых средств на поддержку избирательной кампании НСДАП.

Аудиторы заключили, что государство не обязано оплачивать из кармана налогоплательщиков коммерческие и политические пристрастия руководителей «Люфтганзы». В итоге размер государственной субсидии на следующий год был урезан вдвое.

В компании начались увольнения административного и вспомогательного персонала, был введён мораторий на повышение зарплаты, значительно урезаны размеры дивидендов акционеров, продан ряд объектов недвижимой собственности. Однако Мильх сохранил весь лётный и инженерно-технический персонал. А расходы на приобретение современной техники и оборудования даже удвоил. Как это многим казалось ни странным, но резкое сокращение государственной субсидии не только не ослабило крупнейшую в Европе авиакомпанию, но сделало её более сильной, мобильной, современной.

Отныне не авиационные концерны диктовали условия нашей компании. Теперь Мильх размещал заказы, давая возможность лучшим авиапредприятиям выжить в условиях жёсткой конкуренции. Некоторых это не устраивало. Упрямый и несговорчивый профессор Гуго Юнкерс, ненавидевший Мильха, а в его лице и всю «Люфтганзу», сопротивлялся дольше всех. Он привык быть монополистом на авиационном рынке и категорически отказывался выполнять требования компании. В феврале Мильху доложили, что инженер-конструктор Эрнст Циндель с завода Юнкерса в Дессау создал самолёт с двигателем BMW мощностью 650 лоша-

диных сил. Эту машину Юнкерс предложил «Люфтганзе». Мильх позвонил мне в Мюнхен и попросил срочно вылететь в Дессау. Там в особо охраняемом ангаре мы осмотрели новую машину.

Это был одномоторный цельнометаллический моноплан, бравший на борт двенадцать пассажиров и двух членов экипажа. Он был красив, имел комфортабельный салон, удобную отапливаемую пилотскую кабину, новую систему тормозов. Гуго Юнкерс безмолвно ходил за нами. На его лице лежал отпечаток неприязни к людям «Люфтганзы». Казалось, что вот-вот он пошлёт нас ко всем чертям, а то и поколотит своей тростью с набалдашником из слоновой кости.

Завершив осмотр, Мильх высоко отозвался о машине. Особо отметил качество салона и конструктивные особенности. Лицо Юнкерса не выражало никаких эмоций. Тут Мильх обратился ко мне с просьбой оценить машину со стороны практикующего пилота. Я сказал, что машина мне нравится, хотя не знаю, как она поведёт себя в полёте. Но с позиции пилота гражданской авиации мне казалось невыгодным иметь подобные машины в составе авиационного парка компании. Самолёт брал мало пассажиров. Кроме радиста, предусмотренного в экипаже, в полёте остро необходим борттехник. И самое главное, машина была одномоторной. А мне, постоянно летавшему через Альпы, как никому была известна опасность выхода из строя двигателей в экстраординарных условиях полётов над горными массивами. При одном двигателе шансы спасти пассажиров и машину сводились к нулю.

Мильх поблагодарил меня. Повернулся к Юнкерсу, с сожалением развёл руками и тоном, не терпящем возражения, заявил:

– Переделайте машину в двух или трёхмоторную. Тогда и поговорим.

21

Полёты над горными массивами были самыми сложными. В них пилота всегда сопровождали два чувства. Первое – это восторг от неземной красоты гор, от игры солнечного света на ледниках и зелёных склонах, от вида гордо парящих орлов на таких высотах, куда не поднимаются другие птицы. Пилот сам ощущал себя одной из таких независимых птиц. Душа его наполнялась радостью, сознанием своей недосыгаемости, избранности. Другое – это чувство постоянной опасности. Оно ни на минуту не покидает вас. От момента взлёта до удачной посадки.

Руководство компании очень редко переключало меня на такие лёгкие маршруты, как Мюнхен – Берлин, или Мюнхен – Париж. Оно прекрасно знало об опасности полётов в горах и было удовлетворено моей безаварийной практикой. Если бы они только знали, чего это стоило! На высоте 4–5 тысяч метров наступало кислородное голодание. У большинства пассажиров сначала синели губы, затем они теряли сознание. А каково было экипажу? Конечно, мы были привычны к этому. Но могло случиться всякое, пилот – тоже человек. Наконец, в 1929 году самолёты оснастили кислородными масками и кислородными подушками. Теперь на борт можно было брать и детей.

Горючее наших транспортных самолётов представляло собой смесь бензина и газаolina в равных пропорциях. В нормальных условиях полётов над равнинной местностью никаких проблем не возникало. Но над Альпами столкнулись с явлением, в результате которого, к большому нашему удивлению, мы остались живы. Мы летели из Милана в Мюнхен. Повалил густой снег. Альпы исчезли из поля видимости. После получения радиограммы об ухудшении погоды по всему маршруту я поднял машину до 4300 метров. Температура за бортом опустилась до –30° по Цельсию. Высота облачности достигла пяти тысяч метров.

Внезапно заглохли все три двигателя! Я начал снижаться и попал в густую облачность. По моему приказу бортрадист в эфир передал авиационный сигнал бедствия «PAN», а также наши приблизительные координаты на случай катастрофы и поисков самолёта. Барограф неумолимо показывал снижение высоты: 3000, 2900, 2700, 2200 метров. За бортом было –15°. В тот момент, когда самолёт почти снизился до верхушек деревьев, заработал левый двигатель. Я потянул штурвал на себя – и внезапно включился средний двигатель. На двух двигателях «Рорбах» долетит куда угодно. Страшное напряжение спало. Когда мы пролетали над Инсбруком, заработал третий двигатель. Знали бы вы, как я был счастлив в тот момент!

На аэродроме в Мюнхене меня ждала Доррис. Как же она встревожилась, когда узнала о нашем сигнале бедствия. Лицо её было заплаканным. Она ещё долго всхлипывала, прижавшись ко мне. За руль сел я. Ну, а наши пассажиры ничего и не заметили. Наоборот, они благодарили меня за то, что мы снизились ниже кромки облаков и, таким образом, дали им возможность любоваться величественными Альпами.

Причина скрывалась, как оказалось, в составе топлива. Газолин и бензин реагируют на понижение температуры по-разному. Газолин при низких температурах отвердевал, а бензин превращался сначала в гель, затем в белую кашу. Следовательно, на высоте выше 4300 метров при температуре –30 подача топлива в двигателях прекращалась, а на высоте около 2000 метров при температуре –12 топливо вновь становилось жидким, и двигатели заработали.

Обо всём этом было доложено в служебной записке на имя Мильха. Благодаря его настойчивости, вскоре все пассажирские самолёты были оснащены специальными баками с водой. Жидкость, нагревавшаяся под воздействием тепла от работавших двигателей, поступала по патрубкам к топливному насосу и разогревала само топливо. Чуть позже было разработано и установлено на самолётах надёжное антифризное оборудование. Теперь мы были ограждены от случайностей.

После Рождества меня вызвали в Берлин. Мильх поручил мне испытание прибора, которого лётчики ожидали давно. Это был гироректор, или «искусственный горизонт», прибор, надёжно и точно показывающий горизонтальное положение самолёта в полёте. Я прошёл краткий инструктаж, и прибор установили на моём «Рорбахе».

Мне поручили испытать прибор в полётах над Альпами в условиях непогоды. Итальянцы были в шоке, когда я сажал самолёт в Милане при плотной облачности и нулевой видимости. Они не верили, что, благодаря прибору, я спокойно преодолевал ненастье над Альпами. Вскоре наши машины были оборудованы и угломерами, позволявшими фиксировать боковые отклонения самолёта. А в 1935 году был разработан гирокурсоуказатель, объединивший функции двух приборов. Благодаря внедрению этих приборов мы могли летать в любую погоду, ориентируясь только по их показаниям. Лётчики «Люфтваффе» были признательны своему руководителю за прогрессивность мышления и заботу о безопасности полётов.

22

Весной 1931 года была открыта новая страница в развитии гражданской авиации. Первого апреля маршрут Мюнхен – Милан продлили до Рима. Одновременно авиационными маршрутами связали Берлин и Рим. Таким образом, «Люфтганза» наладила скоростную транспортную связь со столицами ведущих европейских стран. Мне поручили осуществить первый рейс из Мюнхена в Рим.

С нами летела официальная делегация в составе министра транспорта Германии фон Герарда, директора департамента гражданской авиации министерства транспорта Бранденбурга, Мильха, журналистов. К пяти часам дня я посадил «Рорбах» в центральном аэропорту Рима «Ченто-Челло». Нас встречали министр авиации Италии генерал Бальбо с сопровождавшими лицами, посол Германии фон Шуберт. Визит германской делегации в Рим продолжался неделю.

Вернувшись в Берлин, я отправился к Доррис, которая лежала на обследовании в берлинской клинике «Шарите», где за ней присматривал брат Ганс. Она чувствовала себя хорошо и уговорила выписать её из клиники. Во время обеда в летнем кафе Доррис ознакомила меня с медицинским заключением, в котором говорилось о сосудистом заболевании, периодически провоцировавшем потерю сознания. Ничего опасного, как я понял, это не предвещало, поэтому я успокоился и стал рассказывать о полёте в Рим. Мы договорились, что в сентябре проведём отпуск в Риме.

После того как Мильх отказался закупать у Гуго Юнкерса новый одномоторный самолёт, инженер «Люфтганзы» господин Шацкий переделал, в общем, неплохую конструкцию в трёхмоторную машину. А в Соединенных Штатах нашли хороший и экономичный двигатель «Хорнет» мощностью 500 л.с., разработанный фирмой «Пратт и Уитни», который по лицензии стал выпускаться на заводе BMW. В итоге появился прекрасный транспортный и пассажирский самолёт «Ju-52», ставший основной машиной гражданской авиации Германии.

Профессор Юнкерс продолжал упорствовать, отказываясь от сотрудничества с «Люфтганзой» в производстве новой машины. Тогда Мильх, верный своей тактике лобового удара, известил профессора о том, что «Люфтганза» передаёт заказ заводу «Фокке-Вульф», переоснащает весь парк компании новой машиной и прекращает закупку самолётов «Рорбах» у Юнкерса. Для последнего это означало банкротство концерна. Юнкерс сдался. Однако Мильх пошёл дальше. Контракт, подписанный с Юнкерсом, предусматривал контроль со стороны «Люфтганзы» за производством новых машин, в целях чего на заводе присутствовали её представители. Это не просто ущемило большое самолюбие Юнкерса. Авиастроительный концерн, по сути, потерял и финансовую, и технологическую самостоятельность, превратившись в придаток «Люфтганзы».

В середине июня 1932 года Мильх вызвал меня в Дессау на авиазавод и поручил провести первые испытательные полёты новой машины. Корпус самолёта, выполненный из рифлёных листов дюралюминия, сверкал в лучах яркого летнего солнца. Просторный и светлый салон, рассчитанный на восемнадцать пассажиров, отделан панелями из ясеня. Удобные пассажирские кресла из натуральной кожи раскладывались в трёх позициях, что позволяло пассажирам занимать полулежачее положение и вытягивать ноги. Иллюминаторы изготавливались из толстого, тщательно отшлифованного цейсовского стекла. Туалет был снабжён водосливом, умывальником, зеркалом. Пол салона украшала ковровая дорожка. Салон утеплили, установили стационарные калориферы, заполнявшиеся горячим воздухом, усилили шумоизоляцию. Пассажирам теперь не требовалось приносить с собой кислородные маски на высоте свыше 4300 м. Необходимые дозы кислорода автоматически впрыскивались в салон из баллонов, как только самолёт поднимался выше этого рубежа. Воздух в салоне всегда оставался свежим и чистым.

На машину установили мощную радиостанцию большого радиуса действия. Шасси не убирались, но имели надежные тормоза, что позволяло использовать посадочную полосу ограниченного размера.

Первый испытательный полёт я совершил один, без экипажа, представителей завода и «Люфтганзы». Включил зажигание, прогрел двигатели и был удивлён, насколько машина резво набирала обороты. Короткий разбег, быстрый подъём до нормативной высоты в шесть километров, отличное поведение в горизонтальном полёте, отзывчивость на движение штурвала при поворотах убедили меня в прекрасных качествах этой надёжной, легко управляемой и послушной машины. Я посадил машину и долго сидел в пилотском кресле, наслаждаясь блаженным состоянием, которое нельзя выразить словами. Я был просто счастлив.

Из салона послышался гул множества голосов и среди них громовой Мильха: «Что с Бауром? Где врач? Врача, быстро!»

Мильх, увидев меня целым и невредимым, улыбающимся, шутливо треснул в мою грудь кулаком.

– Ну, ты, Ганс, напугал нас. Чего это ты не выползал из конуры?

– Всё нормально, господин директор, – я не мог позволить себе в присутствии множества людей говорить с Мильхом на «ты». – Я просто наслаждался впечатлениями о полёте и посадке.

– Как машина, Ганс? Давай выкладывай свои впечатления и замечания. Никого не стесняйся. Руби голую правду.

– Прекрасная машина, – ответил я, – манёвренная, послушная. Отлично ведёт себя в полёте. Таких у нас ещё не было.

Мильх сиял. Он повернулся к профессору Юнкерсу и ехидно заметил:

– Вот так, господин профессор! С нами нужно дружить, а не капризничать. И не думайте, что это ваша машина. Она продукт нашего совместного творчества.

Взвесив всё, Мильх решил отправить меня от «Люфтганзы» с новой машиной на европейский авиационный конкурс в Цюрихе. Через месяц в Цюрихе мы имели ошеломляющий успех. Наша машина победила в гонках вокруг Альп через Швейцарию, Францию, Италию, Австрию и Баварию.

23

Девятнадцатого июня 1932 года мне исполнилось тридцать пять. В это время я находился на аэродроме Юнкерса в Дессау, где принимал участие в испытаниях нового «Ju-52». Утром позвонил Мильх и от имени компании сердечно поздравил с маленьким юбилеем. Он сказал, что после обеда прийдёт за мной машину. Геринг приглашал отметить мой день рождения у него дома. Около трёх часов пополудни я выехал в Берлин на шикарном «мерседесе» главы «Люфтганзы».

В новой квартире Геринга на Бадишештрассе дверь отворила молодая миловидная женщина с короткой стрижкой вьющихся золотых волос. Поначалу я подумал, что это служанка. Других женщин здесь быть не могло. В октябре прошлого года Геринг похоронил Карин, не просто любимую жену и истинного друга, но человека, который выгасил Геринга после «Пивного путча» с того света и в буквальном смысле сделал из Геринга того, кем он сейчас был.

Женщина, с интересом оглядев мою форму пилота «Люфтганзы», спросила:

– Вы господин Баур?

Я поклонился, давая утвердительный ответ. Она предложила пройти в квартиру и, сделав театральный книксен, представилась:

– Эмма Зоннеман, актриса Веймарского национального театра, подруга Германа.

Она провела меня в просторную, хорошо меблированную гостиную. Там она меня представила высокому немолодому мужчине. Им оказался Матиас Геринг, двоюродный брат Германа. Эмма предложила нам пройти в кабинет. Сама же начала довольно проворно накрывать стол в гостиной.

Матиас был известным берлинским врачом-невропатологом, доктором медицины, профессором, сопредседателем Германского объединенного общества врачей-психотерапевтов. Он прекрасно знал моего тестя, а Ганса, брата Доррис, считал одним из лучших хирургов Берлина.

В кабинет вошли мои и Геринга старые приятели Пауль Конрат, облачённый в форму офицера прусской полиции, Герман Молл в чёрной форме офицера военно-морских сил и красавец Роберт Риттер фон Грейм, на котором был дорогой и идеально сидевший на нём костюм тёмно-синего цвета. Гости поздравили меня с днём рождения, дружески обнимали, рассматривали мою форму, комментируя каждую наградную колодку на мундире. Эмма пригласила всех в гостиную, где был накрыт стол с холодными закусками. Фон Грейм предложил всем налить водки и, пока, как он сказал, не явились босы, поздравить по-дружески, по-военному, друга Ганса. Что и было успешно сделано. Как только налили по второй, в гостиную словно ураган ворвались Мильх с Герингом.

– Отставить! – громогласно завопил Геринг. – Все по машинам! – он указал на стулья вокруг стола.

Геринг, словно большой медведь, схватил меня в охапку и дважды поцеловал. Он вынул из кожаного чехла отличный охотничий пятизарядный карабин «Маузер» и протянул его мне. На прикладе блестела серебряная табличка: «Другу Гансу Бауру от Германа Геринга». Герман крепко пожал мне руку и отошёл в сторону, уступая место Мильху. Тот, следуя своей традиции, достал из внутреннего кармана толстый фирменный конверт «Люфтганзы» и со словами «Живи и радуйся» вручил его мне. В нём оказалась пачка денег в десять тысяч долларов. Я в руках не держал такой суммы!

Подарки вручили и все остальные. Я был искренне рад такому вниманию. В ту минуту я особенно осознал, каких друзей мне подарила судьба.

Обед удался. К восьми часам вечера стали расходиться. Мильх задержал меня:

– Ганс, останься. У нас с Германом есть к тебе разговор.

Геринг провёл нас в кабинет, усадил в кресла, разлил в рюмки коньяк, предложил сигары. Раскурив большую кубинскую сигару, он начал:

– Дорогой Ганс. То, о чём мы будем сейчас говорить, должно остаться между нами троими.

Я утвердительно кивнул головой. Мильх курил и глядел на портрет Карин.

– Как ты, наверное, догадываешься, твою кандидатуру для агитационных полётов с Гитлером в Коричневый дом предложил я.

Геринг сделал большой глоток коньяка и пристально посмотрел на меня, ожидая реакции на свои слова. Я кивнул головой, хотя, сказать по правде, ничего не знал.

– Были и другие предложения. Гесс рекомендовал, например, Артура Лаутмана. Тебе он хорошо известен. А потому Гесс предложил Лаутмана, что он ему больше верит, чем тебе. Лаутман вступил в НСДАП в двадцать первом, а ты только в двадцать шестом. Лаутман, пока Гитлер с Гессом отдыхали в Ландсберге, по поручению фюрера боролся со Штрассером за чистоту СА. В Коричневом доме, особенно у Розенберга и Гесса, этот парень на хорошем счету. Не просто так его назначили советником по авиации командования группы СА «Нижний Рейн».

– Предлагали и фон Грейма, – включился в разговор Мильх, – но наш герой обладает острым языком и всё ещё не в партии. Его кандидатуру отсеяли сразу. Ты ведь знаешь, Ганс, я сам только полгода назад вступил в НСДАП.

– Но речь, собственно, не о том, дорогой Ганс, кто мог стать вместо тебя пилотом Гитлера на время избирательной кампании, – Геринг поднялся с рюмкой коньяка в руке, поглядел на портрет Карин, выпил залпом. – Мне хотелось бы кое-что рассказать такое, что тебе вряд ли известно. Мы на пороге больших изменений в Германии. Не сегодня завтра НСДАП завоюет большинство во многих земельных парламентах. Мы сформируем несколько земельных правительств, в том числе здесь, в Пруссии. Вполне вероятно скорая победа и на общегерманском уровне. Мы добьёмся большинства в рейхстаге, сформируем правительство, канцлером станет Гитлер. Лицом к НСДАП повернулся крупный бизнес, банки и промышленные корпорации.

Геринг снял пиджак, развязал галстук, снова уселся в кресло. Эмма принесла кофе. Геринг поблагодарил и бесцеремонно указал ей глазами на дверь.

– Однако вся беда в том, что НСДАП сегодня раздирают противоречия. И виной тому люди, возомнившие себя теоретиками, учёными, идеологами, крупными организаторами и политиками. А на самом деле это ничего собой не представляющие болтуны, карьеристы, мошенники и живодёры. Да, да, Ганс. Не делай такие удивлённые глаза. В то время, когда такие люди, как я, Мильх, Шахт, ты, Ганс, делают конкретные дела, работают на будущее Великой Германии, заботятся о процветании нации, кучка бездарного охвостья пытается одурманить фюрера тухлыми идеями. Я имею в виду хорошо тебе знакомых: законченного параноика Розенберга, свихнувшегося инвалида Геббельса, садиста Эрнста, уголовника Эссера, алкоголика Лея, прохвоста Гимmlера и многих других, желающих потаскать жареные каштаны из чужого костра. Жаль, что Гесс, толковый и грамотный офицер, обуреваемый комплексом гипертрофированного самолюбия, нахватавшийся бредовых мистических идей у профессора Хаусхофера, превращается в зомби с торговой маркой «Розенберг и компания». Ты знаешь, Ганс, как я уважаю фюрера. Ты знаешь, чем для меня закончился «пивной путч». Ты также знаешь, что я был создателем и руководителем штурмовых отрядов СА. Я не желаю, чтобы эти проходимцы извратили дело партии. Нельзя допустить усиление их влияния на фюрера. Руководство партии не может выражать интересы социального отребья. Это чревато большими неприятностями германской нации.

Геринг вновь встал и нервно стал поправлять книги на полках. Его мужественное лицо покрылось красными пятнами. Он повернулся ко мне и продолжил:

– Ты должен быть рядом с фюрером. Не только потому, что ты талантливый мастер своего дела, имеющий авторитет технически грамотного, осторожного и безаварийного пилота.

Это, безусловно, немаловажно. Жизнь фюрера необходимо доверять высоким профессионалам. Но ты должен быть с ним рядом и потому, что ты один из нас. Ты честный, неподкупный и порядочный человек. Своим авторитетом ты должен оберегать его, влиять на него, стать его доверенным лицом.

Я не выдержал и спросил:

– Как я смогу это сделать? Я что, должен подслушивать, подсматривать, шпионить, одним словом? А потом доносить вам? Я, как и ты, Герман, предан фюреру. Мне тоже многие не нравятся в его окружении. Но ведь ты второй человек в партии. Твой авторитет безграничен. Почему ты не можешь сам поговорить с фюрером?

Геринг весело рассмеялся:

– Так ведь Геринг один такой. А мне нужны надёжные соратники, вроде вас с Мильхом. Мы должны иметь в партии прочный офицерский костяк из разумных людей. Как только мы сформируем правительство, тут же выбросим версальские бумажки на помойку и воссоздадим военно-воздушные силы Германии. Руководить ими будем мы. Я, Мильх и ты, Ганс. Подведём черту. Директором «Люфтганзы» господином Мильхом в марте текущего года по просьбе руководства НСДАП лётный капитан Ганс Баур временно откомандирован в распоряжение господина Гитлера для осуществления быстрых перелётов в города Германии в ходе избирательной кампании. Баур с честью боевого офицера обязан выполнить это важное поручение своих соратников по борьбе.

Он разлил коньяк по рюмкам и предложил выпить за удачу. Мы попрощались. Мильх помог мне дотащить до машины подарки. На улице я спросил его:

– Эрхард, я верю тебе безгранично. Ты столько для меня сделал. Как мне быть? Я в растерянности.

Мильх обнял меня и прошептал на ухо:

– Мы, лётчики, должны быть вместе. Геринг прав.

24

В марте тридцать второго года произошло событие, сыгравшее решающую роль в моей жизни. Меня пригласили поработать с Гитлером во время избирательной кампании. Второго марта я вернулся в Мюнхен из рейса в Вену. В тот момент, когда я грузил в свою машину пакеты с подарками для Доррис и дочери, комендант аэродрома старый добрый майор Гайлер сообщил мне, что звонил некий господин Дитрих из Коричневого дома и просил передать желание господина Гитлера встретиться со мной.

Йозефа Дитриха я немного знал. Он в 1917 году воевал на западном фронте в первом танковом полку. Был фанатиком боевой техники. На этой почве мы с ним сошлись. После войны служил в баварской полиции, активно поддерживал Гитлера. За участие в «пивном путче» был изгнан из полиции. Теперь Зеп, как его звали товарищи по партии, руководил личной охраной Гитлера, недавно созданным подразделением СС. Штурмовики носили традиционную коричневую форму, а эсэсовцы во главе со своим руководителем Генрихом Гиммлером – чёрную.

Часам к шести вечера я приехал на Бреннерштрассе, 45, в Коричневый дом, как называли мюнхенцы здание партийного аппарата НСДАП из-за светло-кофейного цвета его стен. В фойе дежурные эсэсовцы проверили документы. В этот момент по центральной лестнице сбегал Зеп Дитрих. Он помахал мне рукой и выкрикнул:

– Дружище Баур! Поднимайся наверх. Фюрер ждёт тебя.

Эсэсовцы с уважением пропустили меня, в приветствии вскинув руки. Полагаю, они заметили номер моего партийного билета «74495». Это означало, что Баур входил в первую сотню тысяч членов НСДАП, то есть был старым соратником фюрера, ветераном партии.

Гитлер встретил меня по-дружески. Усадил за приставной стол, по телефону заказал кофе, стал расспрашивать о семье, о службе, о взаимоотношениях с Мильхом, поздравил с присуждением премии имени Левальда. За чашкой кофе продолжил разговор. По его словам, это будет год четырёх общенациональных избирательных кампаний, результаты которых определят будущее нации: два тура президентских выборов и два тура выборов в рейхстаг. Кроме того, пройдут выборы в земельные парламенты. Он рассказал об успехах партии на последних выборах. На сентябрьских выборах в рейхстаг партия получила шесть с половиной миллионов голосов избирателей, или 18 %. Геринг сформировал мощную, вторую по численности фракцию в рейхстаге из 107 депутатов.

Гитлер встал из-за стола, заложил руки за спину, стал расхаживать по кабинету. Я давно его не видел. Пожалуй, со времени Нюрнбергского съезда в двадцать девятом году. Меня порадовали изменения в его облике. Он был одет в дорогой тёмно-коричневого цвета костюм-тройку, белую с накрахмаленными воротничком и манжетами сорочку, чёрный шелковый галстук. Новые чёрные лаковые полуботинки были явно австрийского производства. Ничего лишнего. Всё скромно, аккуратно и хорошего качества. Единственным украшением были запонки из неизвестного мне камня коричневого цвета с золотой свастикой на них и партийный значок на левом лацкане пиджака. Набрилиненные волосы аккуратно причёсаны. Он слегка поправился. Выглядел бодрым. Лицо свежее. Голос ровный, без обычной экспрессии.

– Таким образом, – заключил он краткий обзор партийных успехов и перешёл к планам, – весь год мне придётся находиться в гуще избирательных событий. Я, Баур, ни на секунду не сомневаюсь в нашем конечном успехе. Но у партии множество проблем, каких нет у наших главных политических конкурентов. Первое. Наши финансовые возможности весьма ограничены. Мы не располагаем такой пропагандистской машиной, как социал-демократы или коммунисты. Посмотрите, Баур, все города Германии буквально обклеены и завалены их предвыборными агитационными плакатами, афишами, листовками. Кругом портреты социал-демократов Адлера, Гейльмана, Тарнова, коммунистов Тельмана, Пика, Неймана. Вто-

рое. Деятельность СА и СС с конца 1929 года находится под запретом, а коммунистический союз «Спартак» Тельмана нет. Отряды «Спартака» безнаказанно атакуют предвыборные собрания и митинги сторонников НСДАП, а штурмовики из СА и охранники СС не имеют права дать сдачи. Их сразу тащат в полицию и суды. Третье. Меня и других руководителей партии изолировали от общегерманских средств массовой информации. Мои статьи не публикуют крупнейшие газеты и журналы. Мне закрыт эфир через общенациональное радио и радиостанции земель. Нас вовсю стремятся изолировать от народа. Единственное, что у нас осталось – мои встречи с избирателями. Конечно, они чрезвычайно действенны. Но практика проведения кампании тридцатого года показала, что переезд из города в город железнодорожным и автомобильным транспортом отнимает драгоценное время. А именно время является важнейшим оружием против противников.

Гитлер сел напротив меня, положил обе ладони на стол и с пафосом сказал:

– Поэтому я решил стать первым германским политиком, не против которого будет работать время, а на него. Я решил, используя авиационный транспорт, посетить все крупные и средние города Германии, лично встретиться с большинством населения. Мой избирательный штаб сегодня завершит разработку графика встреч, в рамках которого я планирую за одни сутки посетить два-три города, выступить на шести – восьми собраниях, встречах, митингах. Этим мы уничтожим врагов! Как вы оцениваете мой план, Баур?

Я был ошеломлён смелостью Гитлера и горячо его поддержал.

– Ну, вот и отлично, – он встал, демонстрируя, как я понял, завершение разговора.

Встал и я. Он потряс ладонью, приказывая мне сесть. Я вновь занял место за столом.

Гитлер взял с письменного стола бумагу и протянул её мне. Это был приказ Мильха на бланке «Люфтганзы» о командировании лётного капитана Ганса Баура в распоряжение руководства НСДАП в соответствии с договором от 26 февраля текущего года между компанией «Люфтганза» и НСДАП. Договор он мне не показал. Я расписался на приказе.

– Все вопросы, Баур, урегулированы. Вам к ежемесячной зарплате лётчика «Люфтганзы» будут выплачены солидные комиссионные. Летать будем на вашем «Рорбахе».

Он вновь встал и, смущённо глядя на меня, признался, что боится полётов. Но я был рекомендован, как самый надёжный и опытный пилот. Кто меня рекомендовал, он не сказал. Он попросил рассказать о самолёте, особенностях и опасностях полётов.

Более часа пришлось мне разъяснять Гитлеру, что авиатранспорт надёжнее железнодорожного. Мне показалось, Гитлер немного успокоился. Он достал из шкафа маленькую синюю коробочку, вынул из неё значок члена НСДАП, прикрепил его на левый лацкан моего синего лётного мундира.

– Носите гордо, Баур. Уверен, у вас будет ещё много разных наград. Но этот знак особый. Он демонстрирует вашу причастность к делу преобразования великой Германии.

Гитлер позвонил по телефону и вызвал своего адъютанта Брюкнера. Тот немедленно явился, вскинул руку в приветствии, а потом пожал руку мне.

– Брюкнер, – обратился к нему Гитлер, – мы с Бауром оговорили общие вопросы. Прошу вас обсудить с ним детали и совместно скорректировать график полётов.

По дороге домой я старался разобраться с мыслями. Безусловно, работа в качестве пилота у Гитлера, самого харизматичного, самого популярного политического деятеля Германии, была престижной. Материальная сторона тоже имела немаловажное значение.

Понятно, что Гитлера я должен устраивать. Один из лучших пилотов Германии – это во-первых. Во-вторых, как и он, ветеран войны. Гитлер всегда это ценил. В-третьих, я из простой небогатой семьи. Не аристократ, не потомственный офицер. Гитлер этой категории людей никогда не доверял. Ну и, кроме того, я вступил в партию шесть лет назад. Следовательно, приказ о моем прикомандировании к Гитлеру можно рассматривать как важное партийное поручение.

Но почему Мильх заранее не предупредил меня? Не успел или не посчитал необходимым снизойти до подчинённого, до одного из тысяч работников «Люфтганзы»? Почему против меня оказался Гесс? Вопросов рождалось больше, чем ответов. Поэтому я решил: будь что будет.

25

На следующий день после разговора с Гитлером я прибыл в Коричневый дом, где меня ждали члены избирательного штаба, планировавшие встречи с населением, митинги и собрания по всей Германии. В штаб входили личные адъютанты Гитлера Брюкнер и Шауб, Зеп Дитрих, Ганфштенгль, Отто Дитрих, Гофман. Конечно, в ходе избирательной гонки состав штаба менялся. Но эти люди неизменно составляли его костяк.

С Брюкнером, Шаубом и Зепом Дитрихом мы были знакомы почти десять лет. С остальными я встретился впервые, хотя, безусловно, слышал о них.

Отто Дитрих, худощавый, среднего роста, с крупным лбом и волевым подбородком, своим видом интеллигентного человека сразу вызвал во мне доверие. Он занимал пост руководителя пресс-службы НСДАП. Окончив после войны Франкфуртский университет, работал журналистом в ряде баварских и вестфальских газет. Это был не просто профессионал своего дела, но один из известных и авторитетных журналистов страны. Гитлер ценил его за ту особую роль, которую Дитрих играл как пропагандист нацистских идей и планов в среде магнатов, за вовлечение им в НСДАП банкиров и промышленников, за организацию финансовой помощи НСДАП со стороны крупного бизнеса. Я знал, что Розенберг, Геббельс и Макс Аманн, руководивший тогда центральным издательством НСДАП «Эхер ферлаг», не любили Дитриха и постоянно интриговали против него. Откровенно говоря, я глубоко сожалел о том, что в будущем Отто Дитрих оказался в подчинении у Геббельса, а не наоборот.

Гофман был похож на колобка. Маленький, толстенький, с кривыми ногами. Но в целом он производил впечатление весёлого и добродушного человека. Гофман был потомственным художником-фотографом. Он держал самое большое, самое престижное и самое дорогое в Мюнхене фотоателье, которое называл салоном. С Гитлером он дружил ещё с 1921 года, являлся одним из ветеранов партии и своей близостью к фюреру вызывал зависть многих молодых лидеров НСДАП. Гофман имел один порок, перечёркивавший все его достоинства. Он пил, не зная меры.

Загадкой для меня, думаю, и для многих членов партии, был и на многие годы остался Эрнст Ганфштенгль, красивый двухметровый исполин, умный, чрезвычайно образованный и одновременно весёлый, ироничный, непрерывно фонтанирующий шутками, анекдотами, остротами. В ближайшем окружении фюрера за ним закрепилась кличка «Пуци». Вообще Ганфштенгль представлял собой яркий, но ушедший в историю, тип образованнейшего баварского аристократа. Он родился в состоятельной семье известного в Баварии торговца антиквариатом и американки, чья семья владела сетью крупных художественных салонов и антикварных магазинов в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго... Пуци учился в элитной Королевской баварской гимназии императора Вильгельма, окончил Гарвардский университет, получил блестящее образование. Он был женат на американке, имел двойное гражданство. Это и спасло Гитлера, укрывшегося в особняке Ганфштенглей, от расправы полиции в день «Пивного путча», так как власти запрещали вторжение в жилища иностранцев. По различным сведениям, Пуци оказывал большое влияние на фюрера. Он, прекрасно разбиравшийся в изобразительном искусстве, ввёл Гитлера в круг мюнхенских художников, архитекторов, искусствоведов. Ганфштенгль мастерски играл на фортепиано, часто исполнял Гитлеру произведения любимого им Вагнера, познакомил фюрера с родственниками композитора. Кроме того, в ранние, самые трудные годы становления партии он помогал ей деньгами, не дав умереть партийной прессе. В Коричневом доме Ганфштенгль выполнял функции руководителя службы по работе с иностранной прессой.

Члены штаба оглядели меня, одетого в синюю форму лётного капитана «Люфтганзы», с ног до головы, видимо, прикидывая, сможет ли этот парень весьма невысокого роста выдержать физические нагрузки сумасшедшей избирательной гонки по всей Германии.

Мне предложили сесть, угостили кофе. Шауб разложил на столе карту Германии, на которой красными кружками были помечены города, где нам предстояло побывать. Но Брюкнер отвлёк внимание рассказом о минувшей избирательной кампании.

– Понимаешь, Баур, нам раньше приходилось всё время двигаться либо поездом, либо на автомашинах. Если в вагоне поезда ещё можно было как-то постараться обеспечить минимальные условия безопасности фюрера, то автомашины защитить практически было нечем. Помните, – он обратился к коллегам, – как в Кёльне и Бреслау мы заблудились и оказались в городских районах, контролировавшихся коммунистами?

– Да, – подхватил Зеп Дитрих, – тогда мы просто прорывались в кулачном бою сквозь ревушие толпы тельмановских спартаковцев. А сколько ссадин, синяков, шишек и царапин мы тогда заработали!

– Слава богу, остались живы, – буркнул необщительный Шауб.

Отто Дитрих рассказал, как в Нюрнберге в вереницу машин, сопровождавшую фюрера, с крыши бросили гранату. Она угодила в машину Юлиуса Штрайхера, гауляйтера Франконии. Его там, правда, не было. Но водителя разорвало на куски.

В беседу включился Ганфштенгль:

– Что это вы, господа, засыпали нашего боевого орла «Turmfalke» всякими страшилками? Господин Баур, в скольких боевых эпизодах вы участвовали?

Я, не задумываясь, ответил так, как было записано в моём послужном формуляре:

– В девяноста двух воздушных боях.

– А сколько на вашем счету побед? – не унимался Пуци.

– Двадцать девять сбитых самолётов противника. Это не считая тех, что я сбил во время войны с Советами в 1919 году. Всего же будет больше сорока.

– Вот так, господа! – заключил Ганфштенгль. – А вы про пистолеты да кулаки. Давайте к делу. Шауб, где план-график?

Я внимательно стал читать план-график, вычёркивая из него те города, где отсутствовали аэродромы или имевшиеся взлётно-посадочные полосы были ненадёжны для приёма тяжёлого пассажирского самолёта, каким являлся «Рорбах». Шауб был возмущён моим вольным обращением с документом. Отто Дитрих сказал ему:

– Шауб, хватит брюзжать. Баур прав. Мы, в конце концов, должны думать не о том, чем будет доволен или не доволен фюрер, а о его безопасности и эффективности избирательной кампании.

Все члены штаба поддержали Дитриха, и ворчавший Шауб ушёл перепечатывать документ. А мы все дружно по предложению Ганфштенгля отправились в ближайшее кафе пропустить по кружечке пива.

В кафе Ганфштенгль пристроился поближе ко мне и с живым интересом стал расспрашивать о самолёте. Он честно признался в том, что ужасно боится полётов.

– Я, знаете ли, дорогой Баур, – говорил он, смеясь, – и с лошади падал не раз, и с велосипеда. Но вот с неба ещё не падал, – он весело расхохотался.

В кафе вошёл эсэсовец, оглядел зал. Увидев нашу компанию, быстро подошёл и что-то шепнул на ухо Зепу Дитриху. Тот наклоном головы отпустил посыльного и сказал мне, что через четверть часа меня ждёт фюрер.

Фюрер, как и вчера, был бодр и оптимистичен.

– Я поглядел ваши исправления и полностью с ними согласен. Мы не должны рисковать ни людьми, ни дорогой машиной. Города без аэродромов, а это всего-то лишь пять процентов от семидесяти городов по плану, оставим на завершающую часть кампании. Если успеем.

Он изменился в лице.

– Знаете, Баур, я, откровенно говоря, опасаясь полётов.

Он придвинулся ко мне вплотную и пристально глядел мне в глаза с надеждой на помощь. Я постарался его успокоить. Я говорил, что современный пассажирский самолёт надёжен и комфортен. В заключение я сказал:

– Мой фюрер, если вы всё же опасаетесь, советую садиться спереди, рядом с пилотской кабиной. Даже рядом со мной, в кресло бортинженера. Во-вторых, запаситесь леденцами, возите их всегда с собой и сосите во время полёта. Это здорово помогает. В-третьих, старайтесь никогда не глядеть в пол или вниз через иллюминаторы. Смотрите через пилотскую кабину в лобовое стекло. Вы будете психологически гораздо увереннее. В полёте пейте горячий кофе или чай. Это отвлекает и успокаивает. Вот, собственно, и всё.

– Баур, – он встал и крепко пожал мне руку, – я верю в вас.

26

Первая серия полётов с Гитлером выдалась на март – апрель 1932 года. День обычно начинался с того, что мы с Максом Цинтлем, моим бортинженером, приезжали рано утром на аэродром и готовили самолёт самым тщательным образом. Не менее двух часов уходило у нас на полную ревизию машины. Все наши манипуляции контролировали эсэсовцы под командой Зепа Дитриха.

Мы начали с полёта в Дрезден. Гитлер в сопровождении членов избирательного штаба прибыл на аэродром Мюнхена в полдень. Он был в новом длинном кожаном пальто чёрного цвета, выглядел бодро, шутил, подзадоривал Гофмана и Шауба, которые явились с кислыми минами. Я показал фюреру самолёт, провёл по салону. Гитлер всё внимательно осмотрел, заглянул в пилотскую кабину, туалет, увидел термосы с кофе и чаем и остался довольным.

– Баур, – заметил он, – вы педант. Я тоже. Поэтому мы, безусловно, сработаемся.

Гитлер, конечно, опасался. И хотя он держался оптимистично, даже задиристо, глаза и руки выдавали его волнение. Я посадил его рядом с собой в кресло бортинженера, остальные разместились в салоне, кому как было удобно. С погодой нам повезло. Я держал машину на высоте 4500 метров. Гитлер чувствовал себя хорошо, спрашивал о приборах, интересовался техническими характеристиками самолёта. В середине полёта Цинтль угостил нас кофе, и я видел, как фюрер пил его с большим удовольствием.

Я мягко посадил машину в Дрездене, подрулил к зданию аэропорта. Гитлер вместе со штабом, встречавшим его гаулейтером Саксонии и охраной из местных штурмовиков, уехал на собрание. Примерно через час вся компания вернулась на аэродром. В буфете аэропорта быстро выпили по чашечке кофе, съели по бутерброду и отправились в Лейпциг. Там Гитлер выступил в переполненном до отказа городском выставочном зале. Ровно через час мы уже были в воздухе и летели в Хемниц, а ещё через полтора часа приземлились в Плауэне.

Была уже ночь, и я, честно говоря, побаивался сажать машину на маленький аэродром Плауэна, расположенного в северных отрогах Рудных гор. Но всё, слава богу, обошлось. Пассажиры не заметили моего волнения. Ганфштенгль, покидая салон, хлопнул меня по плечу и весело сказал:

– Ну, Баур, вы настоящий маэстро. Похоже, с вами мне не удастся испытать удовольствия свободного падения.

– Ещё не вечер, Пуци, – угрюмо заметил выходящий вслед за ним Гофман, – ещё не вечер. – От фотографа несло коньяком.

Утром следующего дня мы вылетели в Берлин. Гитлер был в приподнятом настроении. По нему и не ощущалась та тяжёлая психофизическая нагрузка, выпавшая на его плечи за минувшие сутки. Дальний перелёт из Баварии в Саксонию, пять городов, пять выступлений. Я был горд за него и искренне счастлив, принося пользу своему фюреру.

В берлинском аэропорту Темпельхоф Гитлера ожидали тысячи членов партии, штурмовики с развёрнутыми знамёнами. К трапу самолёта подошли Геринг, Геббельс, Гиммлер, Грегор Штрассер, другие партийные лидеры. В этот день Гитлер выступал в берлинском Дворце спорта. Геринг вручил мне пригласительный билет и сказал, чтобы я был непременно.

Берлинский Дворец спорта ещё за несколько кварталов был оцеплен усиленными нарядами полиции и конной жандармерии. Сам дворец находился в плотном кольце штурмовиков. Хотя правительство в декабре тридцать первого года запретило ношение формы военизированных структур всех политических партий Германии, штурмовики были облачены в новую коричневую форму. Полиция их не трогала.

Я думаю, Гитлер произнёс одну из лучших своих речей. В столице Пруссии, где к НСДАП традиционно относились враждебно, он основной акцент сделал на социальные вопросы. В

условиях разразившегося экономического кризиса безработица вновь стала главным бичом немцев. Когда же Гитлер произнёс: «Отдайте свои голоса НСДАП, и через полгода я ликвидирую безработицу в стране, я, став канцлером, лично устройю на работу каждого безработного», – зал взорвался одобрительным гулом. Это был полный успех.

После выступления Гитлер и Геринг пригласили всех партийных руководителей, всех членов избирательного штаба на ужин в ресторан отеля «Кайзерхоф». Меня не пригласили. Это задело мое самолюбие. Но я стерпел. Поздно вечером ко мне в номер постучали. Я отворил дверь и удивился. С бутылкой коньяка в одной руке и с рюмками в другой стоял Ганфштенгль.

– Господин Баур, вы позволите? – спросил он.

Ганфштенгль был абсолютно трезв. Он весело балагурил о полётах, сыпал шуточные замечания в адрес Гофмана и Отто Дитриха, саркастически отзывался о «янычарах» фюрера, к которым он относил Зепа Дитриха, Шауба, Брюкнера, Гиммлера и всех штурмовиков и эсэсовцев. Но он серьёзно и с уважением говорил о Геринге. Ганфштенгль тонко угадал причину моего настроения. Он разлил коньяк и предложил выпить:

– Дружище Ганс! Давайте выпьем за самое драгоценное, что есть у нас с вами. За наших прекрасных жён и детей.

Мы выпили. Ганфштенгль посетовал на то, что в номере нет фортепьяно, закурил.

– Мой вам совет, дружище, – он уселся на стол и вновь разлил по бокалам коньяк, – не терзайте пустяками свою душу, не томите себя мелким тщеславием и завистью. Всё это пустое. Гитлер, безусловно, великий человек. Ему нужно многое прощать. А большинство из его окружения – это мелкие людишки, толкающиеся перед его ногами, безмозглые фанатики и карьеристы, уголовники и проходимцы. Все они дилетанты, самоучки, верхогляды. Так стоит ли грустить о вечере, проведённом без них?

Я с удивлением слушал Ганфштенгля. Мне казалось, что он как раз и являлся частью того самого окружения Гитлера, о котором он с таким пренебрежением только говорил. Я спросил:

– Что же тогда вас удерживает рядом с Гитлером? Почему вы терпите его окружение?

Он выпил, улыбнулся и, подмигнув, ответил:

– Любопытство, дружище, любопытство.

Шестого апреля мы летели из Берлина в Вюрцбург. У Гитлера были запланированы собрания также в Фюрте и Нюрнберге. В этот раз с погодой нам не повезло. Над всей средней и южной Германией бушевал ураган. Шквальные ветры со снегом и градом перекрыли пути к Западу. Я вёл машину на малой высоте ниже облачности на юго-запад. Западнее Нейштадта, когда я попытался пересечь горный массив Франконская Юра, самолёт подвергся жестокой бомбардировке градом. Казалось, градины величиной с куриное яйцо вот-вот продырявят корпус машины, вдребезги разнесут лопасти пропеллеров и лобовое стекло. В салоне стоял ужасный грохот. Не на шутку перепуганные пассажиры накрылись кто пальто, кто плащом. Им казалось, что град вот-вот начнёт бить по ним.

Гитлер, выйдя из самолёта, вместе со мной и бортиженером осмотрел снаружи машину. Ему не верилось, что такой сильный град не нанёс ей вреда. Но всё оказалось в порядке. Через час, после выступления Гитлера, мы отправились в Фюрг.

Этот полёт был ничем не лучше прежнего. Перед вылетом мне передали метеосводку и предупредили, что по всей западной Германии полёты отменены. Гитлер прочитал сводку и спросил:

– Сможем лететь?

Все пассажиры глядели на меня с надеждой, что я отвечу «нет». Я сказал «да». Гитлер обрадовался. В Фюрте и Нюрнберге его ждали тысячные аудитории. При подходе к Фюрту ветер усилился до ураганного, и я с трудом удерживал машину, готовую в любой момент перевернуться. При нулевой видимости, в кромешной тьме идти приходилось вслепую, только по

приборам. На аэродроме нам пришлось тросами закрепить самолёт, чтобы его не опрокинул штормовой ветер.

Погода улучшилась. Мы вылетели из Фюрта в Мангейм, а после него в Дюссельдорф, Эссен и Дортмунд. Я вёл машину над восхитительной по красоте долиной Некара между покрытыми лесами отрогами Оденвальда и северной оконечностью Шварцвальда. Гитлер и все пассажиры были в восторге от открывавшихся видов.

Когда мы спустя сутки летели из Дюссельдорфа обратно на юг, к Штутгарту, Гитлер сел возле меня. У него было хорошее настроение. Ему явно хотелось поговорить. Он спросил меня:

– Баур, вы не ностальгируете по истребительной авиации? Хотели бы вновь стать военным лётчиком?

Я ответил, что, собственно, никогда и не был лётчиком-истребителем, скорее, выражаясь современным языком, я был лётчиком-разведчиком, корректировщиком артиллерийского огня. Поэтому я летал на более тихоходных, но зато и на более надёжных машинах. А мои воздушные бои и победы – результат обстоятельств, в которых я оказывался в воздухе.

– А какая скорость, по-вашему, должна быть у современных истребителей? – продолжал Гитлер.

– Думаю, километров пятьсот – шестьсот в час. Кроме того, они должны быть очень манёвренными, надёжными, простыми в управлении и хорошо вооружёнными.

– А как вы думаете, Баур, – продолжал допытываться Гитлер, – какой вид авиации в возможных будущих войнах станет определяющим?

Я подумал и стал уверенно говорить, будто докладывать своему военному руководству:

– Все виды, мой фюрер. Потребуются особые самолёты-разведчики с большим радиусом действия и очень высоким потолком, недоступным самолётам-перехватчикам противника. Будут необходимы соединения дальней бомбардировочной авиации с радиусом действия в три и более тысяч километров, мобильной фронтовой авиации. Придётся конструировать и строить машины, представляющие собой некий симбиоз истребителя и лёгкого фронтового бомбардировщика, то есть штурмовики, машины, непосредственной поддержки пехоты, артиллерии и механизированных частей противника. Будущие войны, мой фюрер, это войны скоростей, моторов и колоссальной огневой мощи.

Гитлер заглянул мне в глаза.

– Баур, это говорите вы или Геринг, Гесс, Мильх, Удет? Я слышу от них то же самое.

Я, смеясь, ответил:

– Это говорю я, мой фюрер. А то, что мы говорим об одном и том же, так ведь мы лётчики.

Когда мы вернулись в Мюнхен, я заметил, что Ганфштенгль, попрощавшись с Гитлером и другими членами штаба, ни с кем в машину не сел. Я предложил подвезти его, и он с удовольствием согласился. Когда я высадил его у дома, Ганфштенгль пригласил нас с Доррис и дочерью на завтрашний дружеский обед. Я поблагодарил и спросил:

– Простите за бестактность, а кто будет?

– Наши семьи, – улыбаясь, ответил он и на прощанье помахал рукой.

27

Ганфштенгли жили в собственном особняке на Пиенценауэрштрассе, в Герцог-парке, самом фешенебельном и престижном районе Мюнхена. Дома скрывались в густых садах за высокими каменными заборами. Особняк Ганфштенглей, построенный до войны в стиле модерн, отличался от всех других огромными круглыми окнами, похожими на гигантские корабельные иллюминаторы.

Я позвонил. Калитку отварила Ганфштенгль, облачённый в дорогой костюм. Он по-дружески пожал мне руку, поцеловал руку Доррис. Я загнал машину во двор.

Фрау Ганфштенгль оказалась высокой, под стать мужу, стройной блондинкой. Она была удивительно хороша, принадлежа к тому типу женщин, который мгновенно приковывает к себе внимание мужчин в любое время и при любых обстоятельствах. Образ именно такой женщины, с короткой стрижкой «каре», большими голубыми глазами, длинными ресницами, маленьким, чуть вздёрнутым, носом, слегка вытянутым скуластым лицом и подбородком с ямочкой, рекламировался голливудскими кинофильмами, заполонившими германские кино-театры. Но манеры поведения, неторопливость и мягкость движений, внимательный взгляд её очаровательных глаз выдавали в ней человека умного, культурного и доброжелательного. На ней было вечернее платье из тёмно-зелёного шёлка с глубоким вырезом и чёрные лакированные туфли на невысоком каблучке. Каплевидной формы бриллиант на тонкой золотой цепочке, маленькие золотые серёжки и обручальное кольцо даже не украшали, а придавали какую-то строгую завершенность её образу, не отвлекали внимание, а, наоборот, подчеркивали очарование и достоинства этой женщины.

Елена Ганфштенгль, в девичестве Нимейр, была единственной дочерью весьма состоятельного германского бизнесмена из Бремена, эмигрировавшего в США. Её мать происходила из старого шотландского рода Маккоронов, владевшего бумагоделательными заводами на Восточном побережье США.

Одиннадцатилетний Эгон, старший сын Ганфштенглей, и восьмилетняя дочь Герта, ровесница нашей Инге, после знакомства без церемоний взяли с собой Инге и отправились на второй этаж в детскую половину дома. Пока служанка заканчивала сервировку накрытого в просторной гостиной стола, женщины окунулись в свои разговоры, а Ганфштенгль предложил мне осмотреть дом.

Кабинет Ганфштенгля и семейная библиотека представляли собой настоящее книгохранилище. Здесь были ценнейшие европейские и американские издания по истории искусства и архитектуры, великолепные художественные альбомы, собрания сочинений немецких, русских, английских, французских, итальянских классиков, многотомные энциклопедии и словари. В его кабинете мы выпили по стаканчику отличного виски.

Пригласили за стол. Доррис, похоже, нашла общий язык с Еленой, и они вместе рассаживали за столом раскрасневшихся от беготни детей. Обед начался с множества овощных закусок, что было необычно для нас, баварцев, привыкших к изобилию окороков, буженины, копчёной рыбы и паштетов.

– Это по-американски, – заметила Елена, – за океаном тоже любят мясное, но стремятся беречь своё здоровье, поглощая множество овощей и зелени.

На первое подали баварский гороховый суп-пюре с постной свиной, а на второе – жареного лосося с шампиньонами. В конце обеда Доррис сказала:

– У вас прекрасная коллекция картин.

– Это в основном хорошие копии, – заметил Ганфштенгль, – на большее у нас пока не хватает средств. Но вот немцы да, это подлинники.

Он подошел к пейзажу, написанному в стиле постимпрессионизма.

– Вот, поглядите. Это фон Штюк. Мило, не правда ли? А вот эта, – он указал на картину с изображением улицы Мюнхена в дождливую погоду, – вам никого не напоминает?

– Тулуз-Лотрек, – неуверенно ответила Доррис.

– Вы абсолютно правы! – обрадовался Ганфштенгль. – Только это Олаф Гульбрансон, ученик и последователь Лотрека. Он, кстати, ещё и замечательный карикатурист.

Женщины помогали служанке убирать посуду, дети умчались в сад. Эрнст предложил до десерта выпить по рюмочке коньяка и выкурить по сигаре. Мы разместились в его кабинете. Я спросил:

– Эрнст, как вы оказались в ближайшем окружении фюрера?

– А я уже вам говорил – из чувства любопытства. Однажды побывав в двадцать первом году на собрании, где выступал Гитлер, мне показалось, что на фоне всех этих скучных и замшелых монархистов-сепаратистов, крикливых фигляров-коммунистов, нудных либеральных фантазёров нашёлся весёлый парень. Голова его, конечно, была напичкана всякой сумасбродной эклектикой, приобретённой на лекциях профессора Хаусхофера, но он единственный говорил понятные и близкие всем немцам слова.

Я хорошо понимал Ганфштенгля и слушал его, не перебивая.

– Я как-то подошёл к нему, представился и прямо заявил, что согласен с ним на девяносто пять процентов. Гитлер рассмеялся. Он выразился примерно в том духе, что оставшиеся пять процентов никогда не смогут стать препятствием для установления нашего взаимного сотрудничества. Так всё и началось. Я помогал ему налаживать связи в среде мюнхенской интеллигенции, монархистов, банкиров, крупных промышленников и торговцев, с кем был знаком лично или кто помнил и уважал моего отца. Фюрер неоднократно бывал у нас с Еленой в гостях на Генцштрассе.

У нас бывали и первые его сторонники, стоявшие у основания НСДАП. Среди них Антон Дрекслер, рабочий кузнец, честный и непосредственный человек, истинный основатель партии; Дитрих Эккарт, поэт, публицист и известный переводчик, очень образованный человек, так рано ушедший из жизни; Герман Эссер, бывший коммунист, шалопай и бабник, но бывший лучшим после Гитлера оратором партии. Эти ребята на дух не переносили чуть позднее прикнущивших к Гитлеру Хауга, Морица, Ульриха Графа, Амана. И просто ненавидели Розенберга, Гесса, Рема, Геббельса, Гиммлера.

В двадцать третьем году я купил хороший дом в Уффинге, рядом с маминой фермой. Именно там прятался Гитлер в ночь после «Пивного путча». Кто-то выдал нас. Мне пришлось бежать в Австрию, а Гитлера арестовали. Кстати, Гесс в Австрии рассказал мне, что прятался у вас. И хотя я его предостерегал не возвращаться, он, обуреваемый необузданным честолюбием, вернулся в Мюнхен и сразу был отправлен в Ландсберг, в компанию к Гитлеру, где они и настроили эту белиберду под громким названием «Майн кампф». Господи! Ну, надо же было такое насочинять! Знаете, после выхода из печати этого «шедевра» в партии произошёл раскол, тысячи рядовых членов от стыда вышли из её рядов.

Я с большим интересом слушал Ганфштенгля. Много я знал, о многом догадывался, с чем-то был не согласен. Но меня поражала точность его оценок и характеристик, независимость мышления. Я спросил:

– Эрнст, а вы не боитесь с такими взглядами находиться рядом с Зепом Дитрихом, Шаубом, Брюкнером?

– Боюсь, – он засмеялся и налил нам коньяка, – любой нормальный человек будет бояться этих ребят. Но уверяю вас, они меня тоже боятся. Потому что не понимают, кто я, и почему Гитлер со мной водит дружбу. А такие негодяи, как Розенберг, Гесс, Гиммлер, понимают и поэтому боятся меня ещё больше. Ведь я один стараюсь удержать фюрера от их параноидальных бредней антисемитизма и человеконенавистничества.

В кабинет вошли Доррис и Елена. Было уже поздно. Мы чудесно провели время в гостях у Ганфштенглей. Провожая нас, Эрнст сказал на прощанье:

– Никому не верьте, Ганс. Вокруг Гитлера формируются три сообщества: тупые костоломы и убийцы, потенциальные убийцы с претензией на идеологию и кадровые офицеры во главе с Герингом. Меньше всего фюрер доверяет последним. Будьте осторожны.

28

После непродолжительного отдыха в Мюнхене Гитлер возобновил агитационные полёты 18 апреля 1932 года. Вначале мы отправились в Гляйвиц, после вылетели в Бреслау, а 20 апреля, в день рождения фюрера, в Кёнигсберг. После Кёнигсберга мы вылетели в Галле, затем в Кассель. До 24 апреля Гитлер, благодаря использованию авиации, выступил на встречах избирателей во Франкфурте-на-Майне, Висбадене, по два раза в Гамбурге и Берлине, Киле, Фленсбурге и Мюнхене.

Закончив эту серию полётов, я получил расчёт в Коричневом доме. Надо признаться, НСДАП расплатилась со мной щедро. На мой банковский счёт была переведена сумма, равная моему годовому денежному содержанию в «Люфтганзе», которая мне также регулярно перечисляла мою месячную зарплату. Мы окончательно решили купить свой дом. Пусть небольшой. Пусть не очень новый. Но свой. В этом деле нам, как всегда, свою неоценимую помощь оказала мама.

Дело в том, что моя работа не позволяла выкроить даже несколько дней на осмотр предлагавшихся строений. Доррис чаще стала болеть. Участились случаи кратковременной потери сознания. Её осматривали лучшие доктора Берлина, Мюнхена, Нюрнберга, Гамбурга, Дюссельдорфа. Она выезжала на обследование в Вену и Цюрих. Врачи недоумевали. Одни советовали немедленно забеременеть и родить второго ребёнка. Другие категорически запрещали. Ей запретили водить машину. Доррис похудела. Её глаза оставались такими же прекрасными, как в юности, но только я один видел в них еле уловимую искорку тревоги. Они как будто говорили мне: «Ганс, мой любимый, мой дорогой, мне плохо. Помоги мне». Я целовал эти глаза, её руки, обнимал её хрупкое тело. Но я был бессилён.

Моя мать, как-то заглянув к нам, завела разговор:

– Пока ты с господином Гитлером летал по всей Германии, твоя мать побывала в Зеефельде, в гостях у старой подруги. Присмотрела я там хорошенький домик с замечательным садом. Участок прямо на берегу Пильзенского озера.

– Мама, так ведь это же далеко.

– И вовсе нет. До центра Мюнхена каких-то тридцать с небольшим километров.

– Так ты прибавь ещё столько же от Мюнхена до аэропорта, – не унимался я.

– А ты поезжай и посмотри. Я абсолютно уверена, вам с Доррис очень понравится. Тебе особенно. Не надо будет мотаться невесть куда на твою любимую рыбалку. Сел на лодку и, пожалуйста, лови себе на здоровье. И Доррис будет на чистом воздухе, и для Инге раздолье.

– А как Инге? Как её музыкальная школа, занятия живописью?

– Дорогой Ганс, я вижу, ты стал недооценивать свою мать. В Зеефельде прекрасная школа, директором которой является муж моей подруги. Рядом школа искусств, в которой есть музыкальное отделение и классы рисунка и ваяния.

Одним словом, мы приобрели двухэтажный кирпичный коттедж, покрытый штукатуркой в виде «шубы», под красной черепичной крышей. Его планировка была простой и удобной. Но больше всего нам понравился участок с чудесным фруктовым садом и собственным пляжем. Инге была просто счастлива.

Мама взяла на себя хлопоты по оформлению документов и организации ремонта в купленном доме. Она наняла рабочих и немедленно переехала в Зеефельд.

Конец апреля прошёл в радостных хлопотах. Я был счастлив от наших приобретений и особенно потому, что счастливы были все мои женщины.

Между тем, Доррис не разделяла моих радужных чувств. Она уже неоднократно выказывала неудовольствие моей работой на Гитлера. Но после нашего визита к чете Ганфштенглей Доррис категорично поставила вопрос о нежелательности моего сотрудничества с нацистами.

По её мнению, «Майн кампф» – это верх цинизма. Такое написать, по её словам, мог либо психически нездоровый человек, либо авантюрист, способный для достижения своих вздорных целей положить на заклание судьбу не только немецкой нации, но и всего мира. На мои робкие возражения о материальной и карьерной привлекательности сотрудничества с НСДАП она неизменно отвечала, что на грязные деньги нацистов жить аморально, что порядочные и культурные люди Германии брезгуют контактами с НСДАП, а карьера у меня и так сложилась замечательно.

Вскоре я вновь вернулся к систематическим рейсовым полётам в «Люфтганзе». Я летал маршрутами Мюнхен – Берлин, Берлин – Лондон, Мюнхен – Рим, Мюнхен – Вена, Берлин – Цюрих.

Однажды после моего возвращения из рейса в Вену я позвонил Гессу и попросил его о встрече. Он любезно пригласил меня к себе домой, где я познакомился с его замечательной супругой Ильзей, невысокой, спортивно сложенной блондинкой. За разговорами я задержался у них допоздна.

В первую очередь я ему откровенно сказал:

– Рудольф, честно говоря, я был удивлён, узнав от Гитлера, что мою кандидатуру ему предложил не ты, а Геринг.

Он, видимо, ожидал этого разговора и совершенно спокойно ответил на мой упрёк:

– Ты не должен этому удивляться. Я искренне не желал, чтобы на тебя возложили функции пилота Гитлера. Ты по характеру прямой и честный человек. За твоими плечами богатый опыт военного лётчика и пилота гражданской авиации. Ты не политик и не придворный выюн.

Мне было приятно это слышать от старого друга и, расслабившись на минуту, я чуть не проговорился ему о беседах с Герингом, Мильхом и Ганфштенглем. Но, слава богу, удержался. Гесс продолжал:

– Посмотри, что происходит, Ганс. Будь уверен, мы вскоре будем у власти. И тогда в первую очередь займёмся возрождением вооружённых сил и, конечно, военной авиации. Кто её возглавит? Геринг, который с головой ушёл в большую политику, внутрипартийные дрязги, пытается во что бы то ни стало занять второе после фюрера место в партии, а затем и в государстве? За все эти годы он ни разу не сел за штурвал самолёта, не интересовался развитием авиационной техники, палец о палец не ударил при создании в Германии авиационных спортивных союзов. Или, быть может, твой уважаемый шеф, Эрхард Мильх? Да, он талантливый организатор, много сделавший для создания прочной основы будущих военно-воздушных сил. Но он бизнесмен до мозга костей. И поверь мне, когда на чашу весов положат интересы Германии и коммерческую выгоду, он выберет последнюю. Таков же и Удет. Да ещё ко всему и пьяница. Фон Грейм, Лерцер, десятки других талантливых лётчиков служат кто в пехоте, кто в полиции. Они уже давно забыли, что такое самолёт.

Гесс был не прав. Он прекрасно знал о том, что почти все опытные боевые лётчики, благодаря командованию рейхсвера, Герингу и министерству транспорта устроены на различную службу до лучших времён, что многие из них серьёзно изучают зарубежный опыт развития военной авиации, являются инструкторами в коммерческих лётных школах «Люфтганзы» и спортивных авиаклубах. Многие прошли переобучение и стажировку в лётной школе, созданной в России, в Липецке по соглашению с советским правительством. Я думаю, он знал и о том, что обо всём этом прекрасно осведомлён и я. Наконец я понял, насколько он не любит Геринга. Я был далёк от внутрипартийных интриг, поэтому не стал вступать с Гессом в дискуссию. Он продолжал:

– Во главе новых военно-воздушных сил Германии я вижу тебя. Мою точку зрения разделяют Розенберг, Гиммлер, Отто Дитрих, многие другие товарищи. Герингу не верь. Подставив тебя фюреру, он расчищает дорогу себе и своим собутыльникам.

Этот разговор оставил в моей душе горький осадок. Я сожалел, что окружение фюрера уже делит шкуру неубитого медведя.

29

Летняя и осенняя серии агитационных полётов с Гитлером пролетели как один миг. Время сжалось, словно пружина. События мелькали с быстротой кинохроники, не давая возможность ни оценить их последствия, ни запомнить детали. К концу года я был измотан физически и находился на грани нервного срыва. Всего мы совершили более восьмидесяти полетов.

Я, постоянно находившийся в напряжённом состоянии, занятый ежедневным техническим осмотром и мелким ремонтом машины, конечно, не мог знать всех подробностей проведения избирательных кампаний. Я настолько уставал, что часто не понимал, о чём говорили со мной Гофман, Ганфштенгль, Зепп Дитрих. Только по каким-то особенным событиям или эксцессам я мог судить о возрастании политического напряжения в стране, всё большем размежевании немцев по идейным соображениям в ходе избирательных кампаний.

Как известно, Гитлер в первом туре президентских выборов, состоявшихся 13 марта этого года, получил 11,4 миллиона голосов. Гинденбург собрал 18,6 миллиона, что не позволило ему получить необходимое большинство. Во втором туре Гитлер прибавил 2 миллиона голосов, но и Гинденбург получил дополнительно миллион голосов, что дало ему возможность сохранить президентский пост. Против 36,8 % голосов, набранных Гитлером, коммунист Тельман с 10,2 % потерпел сокрушительное поражение. На июльских выборах за НСДАП голосовали почти 14 миллионов избирателей. Партия завоевала 230 из 608 мест в рейхстаге. Новый канцлер фон Папен предложил Гитлеру занять пост вице-канцлера, но после долгих раздумий фюрер отказался. Я видел, как тяжело ему было это сделать. Но Гитлер был стратегом, он умел добиваться своего.

Осенью разразился правительственный кризис. Этому в немалой степени способствовал глава рейхстага Геринг. Гинденбург распустил рейхстаг и назначил новые выборы. Правительство фон Папена ушло в отставку. Но ноябрьские парламентские выборы не принесли ожидаемого успеха НСДАП. Партия смогла сохранить за собой только 196 мест. Гитлер был в отчаянии. Политическая ситуация для него резко осложнилась. И не только потому, что партия ослабила своё представительство в рейхстаге и, следовательно, вновь не могла сформировать однопартийное правительство. Но и потому, что возникла реальная угроза раскола НСДАП.

Новый канцлер Рюдигер Шлейхер, возглавивший коалиционное многопартийное правительство ярко выраженного антинацистского характера, поставил целью разрушить НСДАП изнутри. Он сделал ставку на Грегора Штрассера, предложив ему пост вице-канцлера при условии, что тот уведёт из партии левое крыло. Штрассер, покаявшийся перед Гитлером в 1926 году за фракционную деятельность и прощённый фюрером, выводов, похоже, не сделал. Шлейхер и Штрассер развязали оголтелую антигитлеровскую кампанию. У партии появились временные финансовые трудности.

Однако у Шлейхера ничего не вышло. Благодаря авторитету и влиянию Геринга, а также политическому манёвру Гитлера, в результате которого фон Папен и его сторонники в рейхстаге и финансово-промышленных кругах Германии вновь стали союзниками НСДАП, партия к концу года вновь обрела политическую и финансовую силу. Гитлер при поддержке Геринга, Геббельса, Розенберга, Гимmlера, большинства гауляйтеров в декабре добился смещения Штрассера со всех постов. Лишившийся и депутатского мандата, после крупного скандала с фюрером он уехал из Германии и обосновался в Италии. Поговаривали, что Муссолини принял его любезно.

Правительство Шлейхера тем временем стало испытывать непреодолимые трудности в своей работе. Не имея парламентского большинства, оно не сумело в рейхстаге провести ни одного важного закона. Фракция НСДАП стояла насмерть. Подобная ситуация неминуемо должна была привести либо к смене правительства, либо к новым изнуряющим страну пар-

ламентским выборам. Президент Гинденбург, понимая это, а также под воздействием руководства армии и в первую очередь своего сына генерал-майора Оскара фон Бенкендорфа унд фонд Гинденбурга, крупных банкиров, после консультаций с лидерами фракций рейхстага, фон Папенем и Гитлером принял решение предложить последнему пост канцлера и сформировать коалиционное правительство. Тридцатого января тридцать третьего года Гинденбург подписал указ о назначении Гитлера канцлером. Партия и её фюрер одержали крупнейшую победу.

Всё это, а также многие детали драматической борьбы НСДАП во главе с Гитлером за власть я узнал позднее от Геринга, Гесса, Геббельса, Розенберга, других лидеров партии.

30

Тридцать третий год оказался очень нервным. В начале января после обслуживания избирательных кампаний Гитлера я вернулся в «Люфтганзу» и вновь стал работать на различных внутренних и международных маршрутах.

После назначения 30 января Гитлера канцлером Германии руководство ««Люфтганзы»» перевело меня в его личное распоряжение, я стал летать только с фюрером и высшими должностными лицами государства. Но формально я продолжал оставаться служащим «Люфтганзы».

Семейная жизнь всё больше окрашивалась в тёмные тона. Доррис тяжело болела, подолгу находилась в состоянии депрессии, иногда не узнавала родных и близких, кроме меня, дочери и моей матери, часто ненадолго теряла сознание, плохо ела, в саду и на берегу озера гуляла только в сопровождении дочери или свекрови.

Её брат, Ганс, работавший в знаменитой берлинской клинике «Шарите», сумел, наконец, добиться консилиума врачей. С большим трудом при помощи мощного увеличения рентгеновского снимка головного мозга удалось обнаружить опухоль. Но ни один нейрохирург не согласился оперировать Доррис. Никакие уговоры, никакие денежные суммы не могли повлиять на их решение. Доррис медленно угасала.

Станным образом изменились отношения с моими старыми и добрыми, как мне всегда казалось, друзьями. Как только Гитлер стал канцлером, а Геринг, оставаясь председателем рейхстага, был назначен его первым заместителем в руководстве НСДАП, министром авиации и возглавил формирование воссозданных военно-воздушных сил Германии, в его поведении всё больше стало проявляться высокомерие и барство. Со мной он, правда, по-прежнему держался открыто и проявлял доброжелательность, но я чувствовал во всем этом какую-то игру, неискренность, фальшивость. Он больше никогда не возвращался к теме о моей роли в руководстве люфтваффе, не предлагал мне никаких должностей, не приглашал ни на какие совещания.

Мильх, старый добрый, всегда веселый и отзывчивый друг Мильх! И он стал другим. Нет, не таким заносчивым и высокомерным, как Геринг, но другим, неконтактным, стремящимся улизнуть от встреч, прячущим глаза, скрывающим свою обаятельную улыбку. В этом случае, как мне казалось, причин было две. Первая все та же – моя приближенность к Гитлеру и, следовательно, ревность. Вторая заключалась в статусе Мильха, который он приобрел в люфтваффе при Геринге. Мильх рассчитывал на большее, видя себя как минимум начальником генерального штаба военно-воздушных сил, человеком, реально способным влиять на стратегические вопросы развития авиации. Но этого не случилось, и Мильх всё больше замыкался в себе. Ганфштенгль оказался прав: приближенность к фюреру сыграла со мной злую шутку в отношениях со многими прежними товарищами и коллегами по партии. Некоторые стали меня сторониться, другие, подобные Гимлеру, Геббельсу, Леебу, не скрывая, заискивали и искали дружбы. Только Гесс и старый пьяница Гофман оставались искренними и добрыми друзьями.

В апреле тридцать третьего года мне пришлось совершить два полёта в Италию. Первым рейсом я доставил в Рим делегацию в составе Геринга, Кёрнера и Мильха, приглашённую маршалом авиации Бальбо для установления дружественных отношений между военно-воздушными силами двух держав. На самом деле цель визита состояла в ином. Геринг должен был подготовить первый официальный визит в Италию канцлера и фюрера Гитлера.

В римском аэропорту «Ченто-Челло», так хорошо мне знакомому по работе в «Люфтганзе», нас встречали маршал Бальбо и весь высший генералитет итальянских ВВС. Бальбо обнял и расцеловал меня как старого друга.

В отеле около полуночи мне вручили пакет, запечатанный сургучом. Я срочно отзывался в Берлин в связи с необходимостью Гитлера лететь в Мюнхен. В Рим для Геринга и делегации уже отправили другой самолёт.

Рано утром мы с Гитлером, министром иностранных дел Нейратом и рядом других официальных лиц вылетели на мощном и надёжном «Ju-52» из Мюнхена в Венецию, где должны были состояться переговоры лидеров Германии и Италии. Ровно в полдень я посадил машину на аэродром и ювелирно подкатил к группе встречавших во главе с Муссолини. Фюрер и дуче тепло поприветствовали друг друга и представили сопровождавших их лиц.

Переговоры проходили крайне тяжело. Слышать-то мы ничего не слышали, но видели, как накалялась атмосфера, как Гитлер и Муссолини гневно жестикулировали и неоднократно топали ногами, после чего в раздражении поворачивались друг к другу спинами и удалялись на несколько метров, словно записные дуэлянты, потом вновь сходились и опять спорили и спорили. Через три с половиной часа они прекратили переговоры и расстались разочарованными и рассерженными.

На обратном пути Гитлер весь полёт простоял за моим креслом, молча созерцая красоту Альп. Лишь месяц спустя он рассказал мне о вероломном характере дуче, не желавшем поддерживать план Гитлера об аншлюсе Австрии, о том, что итальянское правительство одобряло политику руководства Австрии по преследованию нацистов и недопущению их к власти. У меня сложилось твердое убеждение: Гитлер никогда не верил Муссолини и вынужденно терпел его.

31

В сентябре тридцать третьего Доррис стало лучше. Настолько, что она буквально на глазах стала оживать, на лице появился румянец, голос зазвенел с прежней мелодичностью. Мы возобновили с ней продолжительные прогулки по берегам озера, а затем каждый раз удлинявшиеся вылазки в Мюнхен, во время которых гуляли по нашим любимым местам, посещали магазины.

В тот счастливый сентябрь я налетел миллион километров. Выходило, по экватору я облетел земной шар двадцать пять раз. Вновь начались многочисленные поздравления и посыпались подарки. «Люфтганза» одарила меня баснословной премией и специальным золотым нагрудным знаком фирмы в виде стрелки компаса. Фирма Юнкерса вручила карманный «Брегет» из массивного золота.

На банкете, устроенном в мою честь, мы пили шампанское, много танцевали с Доррис, с удовольствием общались с парой Ганфштенглей. Он сыпал анекдотами и забавными историями о фюрере, Геринге, лидерах НСДАП, дипломатах и зарубежных журналистах. Мы от всей души смеялись, но я успевал поглядывать по сторонам и замечать, как люди Гиммлера, оставленные им в ресторане, поближе подсаживались к веселившимся и уже изрядно подвыпившим гостям, внимательно прислушиваясь к разговорам. Ганфштенгль тоже заметил агентов. Он обнял меня за плечи и с улыбкой заметил:

– Это Германия, Баур. Это – немцы с их неистребимым природным свойством пить, есть за чужой счёт и тут же стучать на хозяина, друга, коллегу, партнёра. Авось что перепадёт с барского плеча. Не нация, а сама святость.

Доррис очень любила фотографировать и фотографироваться. Да и я слыл неплохим фотографом. Фотокамера всегда была при мне во время полётов. Однажды Гофман, просматривая мои фотографии, сделал мне предложение продать ему право опубликовать лучшие из них. Я отказался, но попросил его взять на себя обработку моих плёнок, печатание и увеличение лучших снимков. Он с радостью согласился, и отныне все мои плёнки хранились у него.

Бывая в Мюнхене, мы часто заглядывали к Гофманам на чашку кофе, не забывая при этом зайти в их студию, располагавшуюся на втором этаже очень приличного дома по улице Амлие. Однажды, не застав Гофманов дома, мы с Доррис заглянули в их студию, которая в этот час оказалась безлюдной. Не найдя никого из сотрудников, мы уже было собрались уходить, когда отворилась дверь, ведущая в лабораторию, и в студию вошла молодая, стройная, миловидная, я бы даже сказал, весьма привлекательная девушка в элегантном платье светлосерого цвета, облежавшем её прекрасную фигуру и подчёркивавшем длинные и стройные ноги.

– Могу я вам чем-то помочь? – спросила она.

Выйдя из оцепенения, которое не могла не заметить Доррис, глядевшая с интересом то на девушку, то на меня, я, наконец, представился и представил супругу. Я сказал, что зашёл за фотографиями, которые должны быть уже готовы. Девушка с неподдельным интересом и милой улыбкой, чуть кокетничая, явно желая подразнить Доррис, произнесла:

– Вы и есть тот самый знаменитый лётчик, Баур? Рада, очень рада с вами познакомиться. И с вами, фрау Баур, – она протянула руку вначале мне, а затем Доррис. – Ева, Ева Браун, – девушка сделала лёгкий книксен. – Сейчас я проверю.

Она на минуту скрылась в лаборатории и вернулась с плотным пакетом снимков. Разложив их на столе, заметила:

– Это ваша работа? Чудесные снимки, у вас прекрасный вкус, господин Баур.

Я поблагодарил её и, смущаясь, собрал фотографии и поскорее откланялся. На улице Доррис спросила с плохо скрываемой ревностью, давно ли я знаком с этой красавицей. Я отве-

тил, что впервые её вижу. Доррис, как мне показалось, не поверила. Так состоялось знакомство с женщиной, разделившей судьбу Гитлера.

32

Как я уже говорил, ни ставший рейхсминистром авиации Геринг, ни Мильх, назначенный статс-секретарём и заместителем министра, так и не смогли (или не захотели) определиться с моим статусом и найти мне место во вновь создаваемых военно-воздушных силах. Целый год и Гитлер не знал, где бы найти пристанище моей должности личного пилота рейхсканцлера Германии и фюрера немецкого народа. Он и слышать не хотел о том, чтобы подчинить меня Герингу. Наконец, в январе тридцать четвёртого он принял решение о создании особой авиационной эскадрильи, предназначенной для обслуживания только высшего руководства страны. Специальным указом рейхсканцлера на должность командира этой авиаэскадрильи в звании майора авиации был назначен я.

Между тем, юридически моё положение так и не было прояснено. Я ведь не числился в штате возрождаемых люфтваффе, был также уволен из «Люфтганзы», следовательно, не мог получать ни там, ни там денежного содержания. Гитлер как-то заявил в присутствии Ламмерса, Гесса, Гимmlера, что Баур – человек военный, старый солдат, и заниматься всякой канцелярщиной ему не с руки. Он приказал Гимmlеру зачислить меня в СС, куда на баланс передать и всю технику с личным составом моей эскадрильи.

Такой поворот событий устроил многих. Гитлер, таким образом, сохранил надо мной единоличное руководство, оградив меня и моих людей от поползновения Геринга. Гимmlер был удовлетворён тем, что в СС появилась возможность развивать авиацию, неподчинённую Герингу. Да и в целом Гимmlер, побаивавшийся Геринга, был очень доволен, что всеильному заместителю фюрера по партии утёрли нос, и сделал это сам Гитлер. Для меня сохранялась относительная свобода в выборе кадровых и технических решений при единоличном подчинении фюреру.

Вскоре приказом Гимmlера мне было присвоено специальное звание штурмбаннфюрера СС и майора полиции, а все мои люди зачислялись в СС с соответствующими их должности званиями. Нас переделали в чёрную форму СС, которой я искренне гордился.

Финансовые, кадровые и технические вопросы были решены, и я, наконец, приступил к формированию эскадрильи. Я подписал с концерном Юнкерса контракт о приобретении шести пассажирских «Ju-52», надёжных и испытанных машин, поставленных уже к лету тридцать четвёртого года. Вскоре мы получили шесть самолётов «Шторх» и два «Зибель», маленьких, но очень прочных машин, предназначенных для доставки спецпочты и курьеров фюрера и правительства, а также для обслуживания высших должностных лиц. В распоряжении Гитлера всегда находились три «Ju-52». Личные самолёты указом фюрера предназначались также Герингу и Гессу. Вскоре этот список пополнился рейхсминистром пропаганды Геббельсом, рейхсфюрером СС Гимmlером, генералом Кейтелем и адмиралом Редером.

Надо сказать, с образованием специальной авиаэскадрильи у меня практически не осталось свободного времени. Мне приходилось отбирать лучших пилотов, бортиженеров и техников в «Люфтганзе», по всей Германии отыскивать самый квалифицированный инженерно-технический персонал по наземному обслуживанию и ремонту машин, обучать людей, налаживать график их посменной работы, добиваться создания им комфортных условий жизни и труда, достойной зарплаты. Попасть к нам в авиаотряд было непросто. Кандидаты и все их родственники проходили тщательную проверку в полиции, а затем, после образования гестапо, в этом серьёзном учреждении.

На всех аэродромах, где базировались или приземлялись машины моей эскадрильи, наладили очень тщательную систему безопасности. С тридцать восьмого года охрану поручили подразделениям СС со специально натренированными собаками. Ни один человек, включая

охранников, не имел доступа ни в один самолёт без моего личного письменного разрешения и без командира экипажа.

С 1 сентября тридцать девятого года, со времени начала войны, все полёты с фюрером сопровождалась дополнительными мерами безопасности. На борт моего самолёта принималась группа специально подготовленных и хорошо вооружённых офицеров СД в составе 4–5 человек. Кроме того, нас сопровождали ещё три самолёта с отрядом личной охраны фюрера.

В начале апреля тридцать четвертого после непродолжительного улучшения у Доррис начался новый кризис болезни, затяжной и, как оказалось, последний. В известной степени виновником ухудшения, как считала Доррис, был я. Когда я однажды вернулся домой в новой форме офицера СС, Доррис упала в обморок и двое суток находилась в бессознательном состоянии.

День за днём Доррис медленно угасала. Она практически не вставала с постели, никого, кроме дочери, не узнавала. Её лицо заострилось, а кожа постепенно приобрела пепельный оттенок. Брат Доррис и врачи, приезжавшие с ним из Берлина, утверждали, что её дни сочтены, коллапс может наступить в любую минуту.

33

Полагаю, было бы уместным немного рассказать о том, как происходило становление нового министерства авиации и люфтваффе. Безусловно, напрямую меня это не касалось, так как я не служил в люфтваффе и не подчинялся Герингу. Но что скрывать, конечно, меня всё интересовало. Тем более, постоянно находясь рядом с фюрером, я видел и слышал много из того, что зачастую было скрыто даже от высшего руководства люфтваффе.

С тридцать первого года обучение военных лётчиков Германии втайне осуществлялось в коммерческих и спортивных авиационных школах. Часть пилотов проходила подготовку в гражданских авиаклубах Финляндии, Швеции, Италии, Голландии, Швейцарии, а также на специальной секретной авиабазе в СССР, под Липецком.

После создания министерства авиации Геринг, как мне рассказывал Мильх, изложил ему, своему заместителю и статс-секретарю министерства, два следующих пожелания фюрера: собирать повсюду самолёты для люфтваффе, словно почтовые марки; деньги значения не имели. Герингу, одновременно являвшемуся заместителем фюрера по партии, президентом рейхстага и министром внутренних дел Пруссии, серьёзно заниматься авиацией было некогда, поэтому Мильху была предоставлена полная свобода действий.

Мильх, засучив рукава, с энтузиазмом взялся за работу. Безусловно, требовались деньги, деньги и ещё раз деньги. Мильх, прошедший школу руководства «Люфтганзы» и обладавший колоссальным опытом осуществления финансовых операций (зачастую незаконных), в первую очередь занялся выстраиванием схем добычи финансовых ресурсов.

На одном из заседаний кабинета министров Мильх озвучил сумму в тридцать миллиардов марок, необходимых на программу начала создания люфтваффе. Растерявшийся министр финансов Крезиг заявил, что такие средства в бюджете изыскать невозможно. В дискуссию вмешался Шахт, заявивший, что знает, где найти деньги. Гитлер улыбнулся и спросил:

- Уважаю мыслящих людей. И что вам для этого нужно, господин министр?
- Только помощь господина Мильха.

На следующий день, как рассказывал Мильх, он отправился к Шахту, в кабинете которого эти два матёрых волка германского бизнеса из реестра тысяч фирм выбрали ничем не приметную исследовательскую в области металловедения компанию «Мефо», которой тут же оформили гарантию Рейхсбанка. Вскоре эта сказочная «Мефо» превратилась в главный центр финансирования развития авиапромышленности, расплачиваясь с крупнейшими промышленными концернами своими векселями с номинальным сроком погашения три месяца, каждый раз автоматически продлевавшимся. Гарантированные государством векселя в любое время могли предъявляться Рейхсбанку к оплате. Трюк оказался ловким, очень эффективным, но незаконным. Мильху, правда, на законы было наплевать. От него требовали самолёты и аэродромы.

Благодаря тандему Шахт – Мильх, к концу тридцать третьего года на строительстве аэродромов, инфраструктуры военной авиации и авиазаводов работало около двух миллионов человек. Конечно, и эти объёмы строительства, и реальные суммы, выделявшиеся на создание военно-воздушных сил, и массовая подготовка лётчиков – всё пока было скрыто как от общественности, так и зарубежных дипломатов и журналистов. Гитлер всё ещё опасался решительных санкций со стороны Франции и Англии за нарушение им Версальского договора. Поэтому военная авиация Третьего рейха, как, видимо, нигде в мире, развивалась в большей степени в лоне иных отраслей промышленности и транспорта.

Мильх был человеком больших амбиций, мыслил большими категориями, и программы его поражали всех темпами и размерами. Весной тридцать третьего года он сверстал и представил Герингу программу на строительство шестисот боевых машин, главным образом бомбар-

дировщиков. Геринг усомнился, но программу подписал. В сентябре Мильх представил новую программу ускоренного строительства двенадцати тысяч самолётов!! Геринг вначале изумился и недовольно надулся, затем расхохотался и подписал программу.

– Только давайте договоримся, дорогой Мильх, в правительстве программу будете представлять вы.

– Уж будьте в этом уверены, шеф, – нагло заявил Мильх.

Программу утвердили без каких-либо корректировок. И Мильх принялся за авиапроизводителей.

34

Начал Мильх с концерна Юнкерса. В конце марта тридцать третьего он приехал в Дессау и с порога потребовал от профессора Юнкерса, которому исполнилось семьдесят четыре года, немедленно передать министерству авиации все его патенты на конструкции самолётов и документацию на их изготовление. Более того, Мильх требовал немедленно уволить ряд известных инженеров и руководителей концерна, евреев, считавшихся, с точки зрения власти, ненадёжными для работы с информацией, составлявшей государственную тайну.

Профессор отверг все требования Мильха, поклонился и удалился в свой кабинет. Юнкерс, будучи глубоко верующим человеком, демократом и пацифистом по своим убеждениям, ненавидел Гитлера, НСДАП, новый режим и всех, кого он ассоциировал с этим режимом. В том числе и Мильха. Юнкерс прилюдно возмущался антисемитизмом и национализмом Гитлера и его соратников, что, естественно, даром ему не прошло. Упрямство профессора ломали через колено. Сразу после его отказа Мильху были арестованы один из директоров концерна Детман, главный инженер Фернбург и конструктор Дреммер, обвинённые в распространении коммунистической литературы.

Мильх был взбешён поведением Юнкерса. В апреле он вызвал Юнкерса в министерство и в ультимативной форме вновь заявил о своих требованиях. Профессор отказал резко и безапелляционно, сославшись на законы и святость частной собственности.

Мильх пожаловался Герингу. Вскоре Юнкерса вызвали в городской суд Дессау, где судья зачитал ему обвинение в шпионаже в пользу иностранного государства. На период следствия он оказался под домашним арестом с подпиской о невыезде. Гиммлер отправил в Дессау отряд эсэсовцев охранять дом Юнкерса.

Только через два месяца, уступив уговорам семьи, Юнкерс согласился со всеми требованиями Мильха. Но не сдался окончательно. Он категорически отказался продать государству контрольный пакет акций своих заводов JFA (самолетостроение) и JUMO (моторостроение), уйти с постов председателя совета директоров и председателя правления концерна. На этот раз его уже арестовали по обвинению в государственной измене, поместили в одиночную камеру и начали изнурительные допросы. Одновременно завели уголовные дела на его сына Клауса и дочь Аннелизу за связи с коммунистами и социал-демократами. В середине октября тридцать третьего года Хуго Юнкерс подписал документы о передаче государству контрольного пакета акций своих компаний.

Руки Мильха оказались развязанными, и он стал наводить в концерне Юнкерса свои порядки. В первую очередь он поставил задачу руководителям фирмы в кратчайшие сроки сосредоточиться на изготовлении двухмоторных бомбардировщиков.

В ноябре тридцать четвёртого главный конструктор концерна Э. Циндель представил Мильху первую машину «Ju-86A-1», разработанную на основе десятиместного пассажирского варианта. На него установили мощные шестицилиндровые дизельные двигатели «Jumo-250C» конструкции концерна Юнкерса. Бомбовая нагрузка машины составляла порядка тонны, максимальная скорость – около 400 километров в час. Мильх, уговорив Гитлера, взял меня с собой на лётные испытания. Машина оказалась изящной (как, собственно, и вся продукция Юнкерса), с хорошей аэродинамикой, манёвренностью и управляемостью. Мильх сиял от удовольствия. Вскоре был подписан контракт, и до тридцать девятого года, если мне не изменяет память, собрали 900 машин разных модификаций.

Однако «Ju-86» не выдержал испытание временем и жёсткой конкуренции. И главным образом из-за дизельных двигателей. Они обладали удивительной экономичностью, но плохо переносили работу на переменных режимах при маневрировании, а на высоте выше 5000 метров мощность их резко падала. Тем не менее, бомбардировщик успел повоевать в Испании, а

в качестве разведчика его активно использовали и на Восточном, и на Западном фронтах. Но впоследствии, когда люфтваффе получили достаточное количество более современных бомбардировщиков, «Ju-86» передали в авиационные училища.

В тридцать пятом году министерство авиации объявило конкурс на изготовление скоростного бомбардировщика с хорошими взлётно-посадочными характеристиками. В конкурсе участвовали три фирмы, но победил концерн Юнкера. Хотя сам профессор Х. Юнкерс, так мечтавший об этой машине, этого знать не мог. Он скончался в феврале тридцать пятого года.

В тридцать седьмом году в небо поднялся бомбардировщик, показавший скорость 520 км/ч, оборудованный автоматикой входа и выхода из пикирования, надёжными убирающимися шасси, большой площадью остекления бронированной кабины, с мощным пушечным и пулемётным вооружением и бомбовой нагрузкой почти 2400 кг. «Ju-88», так именовалась новая машина, обрел множество модификаций скоростного бомбардировщика, торпедоносца, разведчика, ночного истребителя. А модификация «Ju-88R-2» имела особые характеристики. Скорость машины достигала 580 км/ч, практический потолок – почти 10 000 м, что не каждому истребителю противника было по плечу. Его серийное производство продолжалось до апреля сорок пятого, а всего было выпущено более пятнадцати тысяч самолётов, девять тысяч из которых составляли бомбардировщики. Эта прекрасная машина оказалась одной из лучших в мире среди себе подобных. «Ju-88» стал самым массовым бомбардировщиком люфтваффе, участвовал во всех боевых кампаниях, наводил ужас на англичан, совершая налёты на Лондон, Манчестер, Ливерпуль, прокладывая дорогу танковым группам генералов Гудериана и Гота, сокращая оборону Красной армии на Восточном фронте.

Эта машина имела интересную экспортную историю. Её покупали в основном союзники Германии: Венгрия, Болгария, Румыния, Италия, Финляндия, Япония. Несколько десятков ушли в Испанию, Португалию, Турцию, Аргентину, Парагвай. Но первые три экспортных экземпляра в сороковом году приобрёл Советский Союз. При подписании контракта в Берлине присутствовал и известный советский конструктор Петляков, который несколько дней гостил в Дессау и знакомился с авиазаводами концерна.

Мильх был одержим идеей создать универсальный самолёт с функциями лёгкого фронтового пикирующего бомбардировщика, штурмовика и истребителя, то есть машины, не требовавшей при выполнении боевых заданий сопровождения истребителей прикрытия, а способной самостоятельно постоять за себя. Ну, а у Мильха от идеи до её практической реализации всегда было рукой подать. Ещё накануне Рождества в тридцать третьем году он эмоционально доказывал Герингу необходимость такой боевой машины. Геринг в своей излюбленной манере улыбался, словно сытый кот, и по-барски произносил:

– Дорогой Мильх, тебе нужна такая машина? Ну, вот и давай, действуй.

Аппарат Мильха незамедлительно подготовил требования к перспективному самолёту и объявил конкурс. И вновь победил Юнкерс! Первый экземпляр вышел на лётные испытания в середине тридцать пятого года и получил наименование «Ju-87-V1». Как повелось, первый блин оказался комом. Снабжённый мотором фирмы «Роллс-Ройс» «Кестрел» мощностью 640 лошадиных сил и двойным хвостовым оперением, аппарат не выдал тактико-технических данных, предусмотренных конкурсной документацией.

Второй вариант, «Ju-87-V2», с двигателем «Jumo-210» и однокилевым оперением, ушедший в небо в июне тридцать шестого, полностью выполнил конкурсные требования и немедленно был рекомендован к производству. Как и большинство машин Юнкера, «Ju-87» имел множество модификаций, выпускался и пикирующим бомбардировщиком, и торпедоносцем, и палубным бомбардировщиком, и штурмовиком. Но золотыми буквами в историю германской военной авиации он, несомненно, вошёл как лучший в мире фронтовой пикирующий бомбардировщик поддержки сухопутных войск. Манёвренный, прекрасно управляемый, до зубов вооружённый пушками и пулёметами, с бомбовой нагрузкой в 2 тонны, с бронированной каби-

ной, самолёт стал любимцев пехоты и танкистов, прокладывавший им дорогу на фронте огненным валом бомб, снарядов, пуль и приводя противника в ужас воем двигателя при пикировании.

Проанализировав документы люфтваффе 1939–1941 гг., я пришёл к выводу, что, благодаря массовому использованию «Ju-87» в Польской кампании, в битве за Францию, Норвегию, Балканы, на Восточном фронте, мы смогли достичь многих быстрых и ярких побед. Я был горд за концерн Юнкерса, изготовивший до сорок четвёртого года почти шесть тысяч этих замечательных машин.

35

Бурная деятельность Мильха распространялась на все германские авиапроизводящие предприятия. Вполне благополучно развивались его отношения с фирмами «Хейнкель» и «Дорнье». В июне тридцать третьего года он подписал контракт с Хейнкелем о строительстве нового современного завода в Ростоке. А уже в августе Мильх вместе с начальниками управлений в министерстве авиации полковниками Кессельрингом, Виммером, Штумпфом и начальником собственного штаба полковником Вевером ознакомились с чертежами бомбардировщика среднего радиуса действия «He-111». В феврале тридцать пятого года машина поднялась в воздух, продемонстрировав полное соответствие требованиям министерства авиации. Этот самолёт стал одним из основных самолётов люфтваффе. Отличительной его особенностью являлось современное и очень надежное навигационное оборудование, мощная радиостанция, а затем и чувствительный радар. Лётчики очень любили эту машину за её надёжность, безотказность, прекрасную манёвренность и управляемость.

В тридцать втором году, будучи руководителем «Люфтганзы», Мильх и я по приглашению К. Дорнье ознакомились с его новым пассажирским самолётом «Do-17». На его основе в тридцать шестом начался серийный выпуск бомбардировщика «Do-17», продолжавшийся до конца сорок второго года. Машина, особенно в поздних модификациях, оказалась вполне приличным и надёжным бомбардировщиком, её уважали лётчики и техники за простоту в обслуживании и неприхотливость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.